

ИЛЪЯ
ЧЕРНЕЦОВ

ВАКУУМ

Илья Чернецов

Вакуум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522093

ISBN 9785449627315

Аннотация

Реальная история о парне, который вернулся из армии и обнаружил вдруг что всё чем он жил раньше удивительно плоское. И что все вокруг продолжают этим жить. Парень глушит свою боль в алкоголе и женщинах. В итоге с ним случается нечто настолько страшное, что и представить сложно. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 0. Реанимация	5
Глава 1. Дорога домой	32
Глава 2. Дом	44
Глава 3. Друзья	54
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Вакуум

Илья Чернецов

Официальный сайт автора: www.firestarter.website

Корректор Иванникова Наталья

Редактор Илья Чернецов

Дизайнер обложки Илья Чернецов

© Илья Чернецов, 2020

© Илья Чернецов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-2731-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 0. Реанимация

Большое, отделанное кафелем помещение, в котором лежат умирающие люди. Более того, эти люди уже накрыты простынёй полностью. С головой. Что как бы намекает на то, что они мертвы. В реанимациях умирают от разных вещей. Кто-то от гангрены, кто-то от ожогов, кто-то от пули в голове. Объединяет этих людей одно – смерть. Именно смерть характеризует реанимацию как помещение и отличает от любых других больничных площадей.

Следующий «кабинет» после реанимации – морг. Место, в котором трупы разбираются патологоанатомами, моются санитарями перед захоронением, оформляются социальными службами, если не было родственников. Такая упаковочно-сортировочная для трупов. Людей, умерших в реанимации.

Так чаще всего происходит. Изредка, конечно, людям везёт, и их перевозят в палату. Происходит это где-то в одном случае из тысячи. Да, расклад довольно неприятный. И тех, кто здесь не был, это шокирует. Но уверяю вас, местные санитары вполне обыденно относятся к таким вещам. Жмуром больше, жмуром меньше – какая разница?

В реанимации холодно. И если ты целый день таскался по жаре, то тебе будет приятно здесь оказаться. Минут на десять, не более. Потому что обратная сторона этой прохла-

ды... Конечно, смерть. Здесь холодно просто потому, что в тепле трупы гниют. Это не морг, да, но подавляющее большинство лежащих здесь «людей» уже трупы. С очень высокой долей вероятности. Слово «жизнь» здесь актуально только в отношении персонала. Для тех, кто накрыт простынёй, слово «жизнь» здесь возможно только в соседстве со словом «случайно».

Если спросить работников больницы о том, что такое реанимация, они никогда не подтвердят того, что написано здесь. Они произнесут формулировку, согласно которой реанимация – довольно занятное место, где люди обретают второй шанс. Но если кто-то из них серьёзно заболеет и получит возможность оказаться в реанимации, то, конечно, не станет надеяться на мифический «второй шанс». И вот это уже – реальный расклад.

Реанимация не лучшее место, в котором можно проснуться. Говорю об этом с полной уверенностью потому, что я вообще просыпался в разных местах.

На этот раз я проснулся в реанимации.

И если вы выбираете, где вам проснуться, советую не рассматривать реанимацию вообще. Потому что у кого угодно крайне мало шансов проснуться в реанимации. Здесь велик шанс умереть.

Мне Господь дал шанс выжить. Я им воспользовался. Радости мне это не принесло.

Потому что, проснувшись, я посмотрел на себя. И мне ста-

ло страшно.

Моё тело. То единственное, в котором я родился, в котором пережил приятные моменты и испытал потрясающие эмоции. Одно на всю жизнь тело, которое я не выбирал, но без которого не было бы меня. Оно замотано бинтами, из него торчат трубки, оно сильно похудело, кожа на нём бледная, сухая, безжизненная. Его мышцы настолько ослаблены, что титанических усилий стоит снять с себя простыню. После чего совершенно не остаётся сил, чтобы подняться с кровати-каталки.

Я понимаю вдруг, что со мной произошло нечто из ряда вон выходящее и что теперь не будет так, как было прежде.

В этот самый момент сквозь туман, наполняющий мою голову, начали простреливать воспоминания. Одно за другим. Кадры, сложенные в сцены, сцены, сложенные в эпизоды, эпизоды, сложенные в самое неприятное воспоминание в моей жизни. В опыт, который мало кто пережил и мало кто бы хотел пережить:

...

Меня тащат по грязно-зелёному коридору с мерцающим серым светом. Это не люди, хотя у них есть руки, ноги, тела. Они голые, бесполое, их кожа фиолетового цвета. Они чрезвычайно мускулисты. Они сильные. Я ощущаю их власть над собой и совершенно не могу возразить. Атмосфера гнетущая, но в воздухе нет никаких эмоций, я ничего не испытываю. Я просто есть, и меня несут. Не знаю, куда и зачем,

но мне всё равно. Просто всё равно. Безразлично.

...

Я в помещении, наполненном этими существами. И то, что происходит дальше, мне уже не безразлично, а само безразличие пугает до глубины души, до самых потаённых её мест. Тех, о существовании которых я даже не догадывался. Этот страх пронизывает меня, пропитывает, он часть меня и, как вирус, распространяется по всему моему существу, заражает душу и всё то, что любой человек мог бы назвать «Я». Потому что эти бесполое, обнажённые, фиолетовые существа с прекрасно развитой мускулатурой разрывают меня на части. Это больно. Это так больно, что не могу терпеть ни секунды этой боли. Эта боль – физическая, ментальная и духовная одновременно. Невыносимое отвращение, рвотный позыв в завершающей стадии, который никак не может реализоваться и застревает в горле, не давая дышать, доставляя дискомфорт. Такое до боли противное ощущение, как будто тебя должно вырвать твоими лёгкими. Они постепенно отрываются от внутренностей, продвигаясь вверх по глотке, на выход. Но застревают в горле. И ты не можешь дышать. Одновременно с этим тебя всё ещё рвёт твоими лёгкими. Ощущение органов, отрывающихся и скручивающихся внутри тебя в клубок. Ощущение крови, превратившейся в песок, и затвердевших вен, не способных больше гнуть-ся. Ощущение глубокой, бездонной тоски и дикой потребности реветь, что невозможно. И это омерзительное, грубое

ощущение абсолютной беспомощности, немощи, невозможности сделать хоть что-то. Ты всё ещё в своём теле, но уже не хозяин ему. Ты можешь только чувствовать то, что с тобой происходит. Насколько бы возмутительные вещи с тобой ни происходили. Безысходность. Бесконечная, всеобъемлющая и необратимая. Руки, ноги, голова, живот, моё тело рвётся на куски существами без ртов. Многослойная, беспрекословная, властная боль и опустошающее безразличие. Огромное помещение, битком набитое фиолетовыми существами, безмолвно рвущими моё тело, потрошащими мой дух, пронизано безразличием. Нет, не наплевательским отношением, не бесчеловечностью, не злобой. А безразличием. Полным отсутствием эмоций. Вакуум.

...

Это происходит целую вечность. Время не существует. Есть только этот момент, насыщенная боль, полное отсутствие возможности что-то изменить, власти над телом, безграничная власть над твоим телом чужих существ и твои ощущения в качестве зрителя, который в то же время главное действующее лицо.

...

Постепенно я вспомнил всё, что происходило со мной за эти четыре бесконечных дня комы. Полную картину всего настоящего ада. Это было самое страшное, что мне удалось пережить в жизни. Нечто настолько страшное, что теперь я даже не представляю, существуют ли какие-то границы ре-

альности.

Моё тело. Моё некогда прекрасное тело. Что с ним стало? Оно обмотано бинтами, бинты пропитаны кровью, из меня торчат трубки.

Когда я последний раз видел себя в зеркале, это было почти два метра здорового белого парня, без признаков жира. Хоть по телевизору показывай. И в армии отслужил, ничего не случилось.

А что там сейчас под бинтами? Может, инвалидность, ведь свободно может. Или всё обожжённое, раскуроченное.

А что теперь будет? Как я буду теперь жить? Это же теперь навсегда. А если там всё вообще плохо? Как быть? Что делать? Я серьёзно. Как дальше жить со всем этим? Это же моё единственное тело. У меня нет другого. Это мой единственный ресурс. То, через что я живу. Как так? За что? Почему, блять, со мной произошла какая-то неведомая хуйня, после которой я весь в бинтах и, может, вообще инвалид?

Я плачу. Прямо навзрыд. Ведь у меня нет ничего другого. А с этим я уже ничего не поделаю. Это горько! Этот факт, который я должен просто принять. На тебе! Получи, распишись. Это моё тело, пидарасы! Моё единственное тело!

Мне 22, и ничего уже не вернуть обратно. Я покалечен! И этого уже не изменишь, понимаете? Это просто есть.

И это – кусок мяса, завёрнутый в бинты.

Вот она, необратимость. Невозможность вернуть что-то, что очень хочется вернуть.

Всё, не вернёшь.

Что бы там ни было под бинтами, другого нет.

Как только я представил, что там может быть под бинтами, мгновенно сунул руку между ног и выдохнул:

На месте! Целый! Мой мальчик! Спасибо, Господи!

Ну, кое с чем порядок. Это ок. Руки на месте, ноги. Голова!

Вообще-то если посмотреть критично, то только корпус. И то до пояса. Конечности просто худые, это отъестся. Слабость? Опять-таки еда. А если я теперь не могу нормально есть? Если теперь всю жизнь сосать через трубку?

Как хочется сигарету!

Лёгкие. Надеюсь, я смогу курить. Дышать сложно, булькает. Фу, бя, как больно кашлять. Как будто лёгкими кашляю! С сигами точно придётся повременить. Их просто никто не даст, а сам я в таком состоянии никуда не смогу сходить за ними. Дерьмо.

Заглянуть бы под бинты, но даже чуть потрогать больно. Пиздец там, наверное.

Даже если всё более-менее, по-любому из жизни выпал. На месяц, не меньше.

Твою же мать, а. Твою же мать!

После саможалений проснулся организм. Это принесло облегчение, т. к. отодвинуло остальные мысли на задний план. Я безумно захотел есть. Лёжа в морге, окружённый трупами, я захотел есть.

– Эй!

Тишина. Никого нет. Возможно, меня никто не слышит. Возможно, сегодня выходной и дежурная сестра смотрит сериал, в котором брат сестры мужа тёти находит на своей заднице родинку в виде тюленя, едущего на гусе в Данию, что доказывает какие-то потрясающие вещи.

– Ээээээээй!!!!

Я крикнул и решил не дожидаться чуда, а самостоятельно встать, покинуть это мрачное помещение и дальше – по обстоятельствам. Пока я вставал с кровати-каталки, слышались шаги. Отлично. Потому что я совершенно не знаю, как отключить от себя все эти провода. Я, конечно, видел в кино, как персонажи просто отрывают их от себя, но, чёрт возьми, эти провода воткнуты в моё тело иглами. Здоровыми, сука, толстыми иглами.

Заходит сестричка. Не моя сестричка, медицинская сестричка. Хотя у меня вообще-то есть сестра. Но сейчас не о ней. Маленькая, хрупенькая медсестричка в коротеньком белоснежном халатике, отлично обтягивающем маленькую круглую задницу и небольшие же титюшки. Вдуть захо-

телось мгновенно. Обычно самки в больничных халатах меня не возбуждают, потому что ассоциируются с лечением, а значит, с болезнями. Но у этой как-то всё ладно сложено, аккуратно. Или давно не трахался?

– Что вы делаете? Немедленно ложитесь. Вам нельзя вставать.

Похоже, я не в её вкусе. Или холодно?

– Я очень голоден, – говорю, стараясь держаться неприуждённо и бодро, как будто полон сил. Потому что, хуй его знает, может, получится вдуть. А какая девушка захочет, чтобы ей вдувал полутруп?

– Ложитесь, всё будет, – говорит она, протягивает руку к моему паху и... Вытаскивает из члена длинную трубку толщиной в мизинец!

Твою же мать! Какого хрена в моём члене торчала эта срань? И почему она такая здоровая? И почему она выросла? Блять, как же неприятно!

Я несколько вскрикнул, желание вдувать пропало, а сестричка повезла меня прочь из этого сраного, трупного места.

Меня везут по длинному коридору, перед глазами плывут длинные белые лампы, периодически коридор заканчивается поворотом, и начинается новый коридор. Мимо меня проходят люди в белых халатах, я слышу обрывки разговоров

между врачами, между пациентами, фразы, произносимые пациентами врачам. Например, о том, что горячее молоко лучше на обед, а кефир на завтрак.

Невозмутимый санитар, сменивший медсестричку в коротком халатике сразу на выходе из морга, катит меня всё дальше и дальше в неизвестном мне направлении. А тем временем в моей памяти всплывают новые сцены из моей прежней жизни:

...

Драка. Между мной и какими-то парнями. Их много. Крики. В моё прекрасное лицо летит острое, блестящее лезвие ножа. Вот-вот оно воткнётся мне в переносицу. Время замедляется, я смотрю на это лезвие и каким-то машинальным чудом перехватываю бьющую руку.

...

Короткий, яркий, запомненный в деталях эпизод с лезвием. Он отпечатался в памяти, как оттиск фамильной печати на мягком сургуче.

...

Удар под колени сзади, словно кто-то всем телом прыгнул на ноги. Я падаю на спину.

Я на спине, в меня летят удары. Ногами и руками, как из пулемёта. Не успевает долететь один, уже летит другой. Боли нет. Только злость, адреналин и ненависть. И дикое желание сохранить нос. Я закрываю его руками, тело остаётся беззащитным.

...

Мой нос, который очень мне нравится, который пережил массу неприятных приключений и сохранил правильную форму. Руками хирургов, конечно. Когда мне ставили его на место в последний раз, я попросил врачей сделать его неломаемым. Люблю свой нос и ненавижу каждого пидараса, который пытается ему навредить. Поэтому нос – единственное, что я закрываю.

...

Острый, злой, наглый нож входит в грудь слева. За доли секунды медленно и уверенно он проникает в моё тело, прокалывая сердце сантиметр за сантиметром. Как в тёплое масло, как само собой разумеющееся. Как нечто простое и обыденное. Как будто так и должно быть. Тут-то всё и остановилось. Чем глубже проникает нож, тем меньше остаётся надежды на жизнь. Он выдавливает её. Всё теряет смысл. Тело залито горячим, свет меркнет.

...

Ночь. Зима. Тишина. Обледенелые, чёрные ветки деревьев. Я лежу на белом снегу в луже собственной крови. На лицо мне падают снежинки, жизнь, пульсируя по инерции, выходит из тела. Идеальная смерть.

Но меня поднимают, остатками сил я говорю:

– Меня пырнули...

И выключаюсь.

...

Отлично запомнил эту фразу. Странно, я никогда не использовал слова «пырнуть». Никогда. Но вот когда это произошло, я использовал именно это слово.

Каталку завезли в лифт. Поехали. Специальный грузовой больничный лифт. Едешь в нём и ощущаешь движение каждой шестерёнки, что приводят его в действие.

...

Машина. Переднее сиденье. Тело залито горячим. Из моей груди плотной струёй выливается кровь. Изображение расплывчато, и боль – дикая, нестерпимая. Бессвязная речь, туман, незнакомая девушка нежно и мягко успокаивает, ласково глядя меня по голове. Тьма.

...

Что за баба? Откуда взялась? Мы были с девчонками, но отправили их домой, когда всё началось.

Каталку завозят в палату. В палате сидят люди, угрюмо и молча разглядывая свои тапки. Тишина угнетает.

– С чем?

– Ножевые.

– Хуёво...

И снова тишина.

Базару ноль, не лучший расклад.

...

Меня выгружают из машины.

– На кой привезли этот труп? Выкиньте где-нибудь, – слышу я чей-то голос.

Это кто-то спрашивает у тех, кто меня привёз. Надеюсь, этого гандона как раз и выкинут где-то, когда он будет умирать.

...

В палату заходят санитары. И увозят меня обратно в коридоры. Завезли не в ту палату, вернулись и оперативно исправляют свою ошибку. Ну и славненько, а то эти угрюмые уёбки совсем не произвели на меня впечатления.

Снова коридоры, лампы, светло и спокойно.

...

Уже на каталке, но ещё в одежде, адская боль. Хотя какая там адская? Адская будет позже.

На меня наваливается Мазик, тот чел, из-за которого всё и произошло.

– Всё будет заебись. Не умирай, братан, – настраивает он меня на позитивный лад, выдыхая мне в лицо пары перегара. Как дракон, который пульнул струю огня не из, а в себя.

– Мазик, debil, свали, – с трудом выговариваю я.

В этот самый момент какое-то совершенно демоническое воплощение бюрократической машины начинает грузить меня абсолютно левыми вопросами:

– Имя, фамилия, отчество, место работы, домашний телефон? Как? Что молчишь?

Уродливое порождение далёкой от совершенства системы, сидящее за стойкой регистратуры и задающее бессмысленные вопросы. Вносящее ответы на бессмысленные вопро-

сы в бесполезные карточки, выполняющие лишённые смысла цели.

Как? Ну как ты пропустила свою очередь на раздачу мозгов? Как ты её проебала, чучело?!

– Корова ёбаная, я умираю тут, говно ты!

То есть должно же быть понятно, что я умираю, и последнее, что меня заботит – это номер моего домашнего телефона.

Мазик и Нава, типочки, которые со мной, отвечают на её вопросы, заполняют бланки, пока я тем временем тухну с каждой секундой, как догорающая свеча. Забавная ситуация, верно? Хотя реально в этом нет ничего забавного. Взять бы в тот момент её голову, сунуть ей же в очко и выбросить всё это на мусорку.

Пока бланки заполняются, сраная овца выполняет свои должностные обязанности, за что, кстати, получает зарплату, которой не хватает даже на лечение зубов, я лежу в этой каталке, испытывая охуительную боль и ощущая кровь, вытекающую из моего организма. Такое чувство, как будто сама жизнь, пульсируя, покидает тело.

– Сначала напиваетесь, потом дерётесь. Кто тебе виноват?

Откуда ты такая умная взялась? Такая морально подкованная. Такая разумная и прагматичная. И ок, раз уж ты именно такая, то какого хрена ты сидишь в сраной приёмной, а не читаешь лекции в Принстоне?

– Иди нахуй! Пиздуй, сука, нахуй! – говорю я ей. И, кста-

ти, это нужно было сделать в самом начале. Желательно сопроводив фразу размашистым локтем в центр лица. Но какой там локоть, когда я не могу разогнуться?

Опять Мазик со своим перегаром:

– Братуха, всё нормально, ты сможешь, ты вырулишь.

И так ведь и наваливается. Ну понятно, ноги не держат, бухой же. Дебил, блять.

– Мазик, еблан, съебись нахуй! Ты тупо меня раздавишь сейчас!

А потом у меня перед лицом оказывается бланк и ручка:

– Подпишись.

Думаю, если бы я отказался подписываться, меня бы оставили на улице.

Другая палата. Меня выгрузили с каталки на кровать обратительного качества. Пружины настолько слабые, что тело проваливается чуть ли не до пола. Думаю, это как-то связано с тем, что главврач ездит на отличном автомобиле, хорошо питается и отправляет своих детей в качественные вузы.

В палате чисто, просторно. Три мужика сидят на своих кроватях. На вид чуть более коммуникабельные, нежели предыдущие.

Когда санитары уходят, один из мужиков начинает расска-

зывать, как прошлой ночью увидел у себя на груди таракана. И как однажды, когда он лежал в другой больнице, одному мужику таракан залез в ухо.

– И этот таракан так скребётся, как будто ломом кто-то в ухе ковыряет. Это он так говорит, я-то не знаю, мне ни разу не залазил, – говорит этот мужик.

– И что потом?

– Вытащили потом.

Тем временем я наблюдаю в своей памяти последний и самый ужасный пазл из моей прошлой жизни:

Операционная. Я лежу на столе. Голый. Передо мной большая железная лампа с кучей огоньков.

Вокруг меня врачи.

Боль уже часть моего бытия настолько, что я к ней привык. Я окончательно измотан и даже не держусь, я просто жду, когда это всё закончится. Я не просто готов к смерти, а просто понимаю, что скоро умру. И этот факт меня никак не трогает. Наконец-то конец.

Меня привязывают к операционному столу, вставляют в рот плотный тканевый валик. Неожиданно доктор подносит скальпель к моей груди и рассекает её, оставляя ровные срезы моей плоти по обе стороны лезвия. Плевать. Холодный скальпель скользит по моей груди, и мне просто всё равно.

Мне больно, ощущения живые, полноценные, зрелище пугающее. Но мне просто всё равно. Безразлично.

Как я узнаю позже, в этот момент моя жизнь висит на волоске. То есть шанс есть. Для меня факт существования шанса ничего не меняет. Что умру, что буду жить – без разницы.

Наркоза нет. Моё сердце на последнем издыхании от повреждений, и наркоз его просто убьёт. Режут на живую.

Маленьким я смотрел фильм «Война и мир». Там одному чуваку отрезали ногу без анестезии. Ему дали в рот деревянную ложку и стали пилить. Я тогда думал, что это, наверное, чертовски больно, и я никогда не хотел бы испытать подобное.

Вуаля! Испытываю. Очень больно, но и не так страшно, как казалось в детстве.

Разрезав мою грудь, хирург вставляет в меня страшную, блестящую металлическую хрень и разжимает рёбра. Вот тут стало реально больно, я завыл, используя последние силы на психологическую борьбу с этой новой, жуткой болью. Я привязан к операционному столу ремнями, в моём рту кляп, а вокруг меня люди, оснащённые тонной страшных инструментов. И у них есть полное право делать со мной что угодно, ведь они борются за мою жизнь. Мне остаётся только терпеть.

Через несколько секунд, когда последние резервы были исчерпаны и рука хирурга коснулась моего сердца, мой пульс превратился в нитку, а я на четыре бесконечных дня погру-

зился в кому.

Когда ты ничего не знаешь о вечности, тебе кажется, что «вечно» – это бесконечно долго. Ты даже не представляешь, что вечность может уместиться в половине секунды. Потому что вечность – это не единица измерения времени. Это состояние его отсутствия.

Я оказался там, где не существует времени, материи, пространства. Там, где вообще нет ничего конкретного и всё живёт по законам, которые никак не укладываются в земные рамки миропонимания. Точнее, рамки, в которых живёт общество. Ведь мир устроен иначе.

Там, где я оказался, в этом обширном и многослойном «другом мире», отчётливо понимаешь, насколько глупо жить примитивными людскими законами. Насколько это бессмысленно. Потому что жизнь с людьми, на Земле, лишь крошечная часть твоего существования. И тратить её всю, стараясь уместиться в узкие рамки местных законов и устоев, – всё равно что лезть из кожи вон, стараясь угодить каждой гусенице, каждому муравью, когда ты оказываешься в лесу на короткое время. Это абсурдно, потому что, попав обратно, в свою естественную среду, ты не сможешь применить полученный опыт. Потому что твоя естественная среда устроена куда сложнее и многогранней. Так же как среда лю-

дей и среда насекомых. Уверяю вас, насекомые беспробудно примитивны. Они не умные, не продвинутые, они простейшие.

Оказавшись в этом новом, казалось бы, бесконечном мире, я во всей полноте осознал, насколько примитивно то, чем мы живём на Земле. Это осознание было таким же очевидным, как наше, земное, понимание примитивности быта кольчатых червей и всех процессов, из которых складывается их жизнь. Подумать только, их жизненный цикл состоит из трёх-четырёх действий!

Но мы, люди, не так уж далеки от червей. По сравнению с той средой, откуда мы родом, естественно. Ведь наш жизненный цикл тоже можно посчитать в количестве действий: еда, питьё, работа, развлечения... Наши стремления можно уложить в конкретные очертания: Мазерати, тёлка с классными сиськами, четырёхкомнатная квартира в центре, путёвка в Австралию или, ещё хуже, в Турцию.

И никаких отклонений!

Мы жутко примитивны. Более того, мы жутко узколобы, пугливы, ущербны. И идём на это сами. Потому что необходимости стремиться к бесполезному хламу нет.

Сразу же, с того момента, как я появился в «другом мире», для меня сразу всё стало понятно. Законы, порядки, устои, почему я здесь, зачем, откуда, как так получилось. Ко мне пришло абсолютное понимание всего мироустройства так, как будто оно всегда было со мной, но забылось на вре-

мя сна – земной жизни. Теперь я проснулся, нахожусь в реальном мире и понимаю всё до мельчайших деталей. Понимаю смехотворность своих земных устремлений, желаний, страхов. Понимаю причину, по которой именно это, примитивное, смехотворное, существование должно было со мной случиться.

Именно случиться. Жизнь длиною в двадцать два года как случай, эпизод.

Я отлично знаю причину, по которой я вернулся обратно, в «другой мир».

Это понимание не похоже на земное. Это не инсайт, в котором есть твёрдые переменные и который есть только часть какой-то всеобъемлющей информации. Это понимание без конкретных вещей, которые можно обозначить словами. Такими как «убивать плохо» или «закон притяжения». Это ощущение, глубокое, исчерпывающее понимание того, как всё устроено. Это тип информации, формулируемый ощущениями, осознанием. Он не конвертируется в физическую форму. Потому что любая физическая форма – условность. В реальном мире нет ничего физически фиксированного, постоянного. Всё меняется в зависимости от обстоятельств. Нечто есть, и в то же время его нет. Предмет, ситуация, понятие, свойство. Всё условно. В «реальном мире» это естественно, потому что так оно и есть.

Я нахожусь в длинном, грязном сине-зелёном коридоре. Моё тело подвешено в воздухе и притянuto к несуществую-

щему потолку. Я знаю абсолютно всё и в данный момент испытываю до одурения неприятное чувство. Что-то вроде передоза, только более сложное и противное.

Моего тела не существует, и я не обращаю на него совершенно никакого внимания. Однако в то же время оно есть, и нечто непостижимым образом причиняет ему невыносимую боль. Я ощущаю, как что-то неосязаемое перекручивает мои конечности, внутренности. В то время как я вижу себя в целости и сохранности.

Это какая-то крайняя, невозможная степень боли.

Вокруг меня существа серо-сиреневого цвета, очень высокие и мускулистые. У них длинные руки и ноги. Их лица как обычные человеческие, только без глаз, бровей, ртов, просто обтянуты кожей. Они несут меня по коридору, даже не прикасаясь ко мне.

Внезапно я оказываюсь в огромном зале, полном таких существ. Темно, мелькают огни. Существа пьют, развлекаются, употребляют наркотики. Причём это только знание, что они пьют и развлекаются. Потому что никто не подносит ко рту стаканов, у них ведь и ртов нет. Никто не трахается, ведь они бесполы. Это просто ощущение. Кругом молчание, полная тишина и просто гул.

Я вдруг понимаю, что сиреневые существа могут сделать со мной что угодно. Это не то чтобы безжалостность и беззаконие, это данность «реального мира».

Нет никаких законов, моралей, жалости.

Любое желание, действие, помысел – норма. Таков порядок вещей.

Я остро чувствую вину на себе и знаю, что происходящее – расплата. Я уверен, что муки не кончатся никогда.

Вдруг все останавливаются, замирают. Полная тишина на несколько секунд. Даже гула нет.

И они начинают меня рвать. На части. Все, кто там есть. До единого. Они выкручивают мои суставы и вырывают конечности, куски тела, внутренние органы. В то же время всё остаётся на своих местах и кровь не льётся.

Тут-то и началась настоящая боль. Невыносимая, нестерпимая, невообразимая. Настолько страшная, что, если измерять её в граммах и капнуть каплю за Землю, всё живое умрёт на несколько миллионов лет вперёд.

Терпеть её невозможно, потерять сознание невозможно, даже двигаться невозможно. Возможно только одно – мучиться. Находиться внутри процесса, всё чувствовать и наблюдать.

Я смотрю на себя и понимаю, что я точно такой же. У меня нет рта, глаз, сосков. Я голый, высокий, мускулистый, моя кожа серо-сиреневого цвета. Я бесполое, безэмоциональное существо.

Моя форма бытия предполагает полное отсутствие эмоций.

Я всё ощущаю, переживаю, чувствую, но у меня нет эмоций, нет реакции ни на что. Я не ставлю в своём уме оценок

происходящему, не испытываю ни злости, ни жадности, ни страха. И не могу испытывать. Это не рационально. Эмоции в моей форме бытия не имеют смысла.

Чувства и ощущения без эмоций. Это нормально. Так живёт «реальный мир», в котором я нахожусь.

Процесс наказания меня продолжается бесконечно. Я испытываю жуткую боль.

Одновременно кристально чётко осознаю иллюзорность человеческих законов. Законов физики, химии, геометрии, политики, уголовного кодекса. Всё это временная метафора, которой нет места в реальной безграничности, во Вселенной. Мир, в котором я жил на Земле, – ненастоящий. Он ненастоящий, надуманный, иллюзорный. Он временный. Потому что не существует границ. Вообще. Между государствами, между полами, между видами живых существ, между дозволенным и недозволенным.

Границ. Не. Существует.

Есть только абсолют. Истина. Безусловная реальность, в которой возможно всё. Даже то, что невозможно.

Я понял бесконечность Вселенной. Звёзды, которые она в себя вбирает, космос, галактики. Я понял её неизмеримость и колоссальную многомерность, делающую её бескрайней.

Я осознал все существующие формы бытия. И причины особенностей этих форм, различий между разными представителями.

Я увидел знание. Исчерпывающее знание обо всём, что только возможно. И наличие этого знания в каждом человеке. Понял бессмысленность исследований космоса, морских глубин. Это настолько глупо, что даже не смешно. Всё есть внутри. Каждый человек совершенен. Совершенен. И в каждом – знание обо всём. Очень глупо искать что-то вовне, когда внутри гораздо больше того, что ты мог бы захотеть найти. Это до отчаяния глупо. Земные науки – лишь крайне упрощённая трактовка реальности. Урезанная до состояния бессмысленности.

Нет прошлого. Нет будущего. Есть только настоящее. И оно вечно.

Сейчас моё настоящее – это адская боль и бесконечное мучение. Ужас – это то, что я сейчас испытываю в полной мере.

Внезапно всё исчезло. Сине-сиреневые, боль, помещение. Я в бесконечном белом сиянии. На долю секунды. На этом воспоминания обрываются. Это – последнее.

– Сынок!

Мой отец. Небритый и измождённый. Его красные и опухшие от бессонных ночей глаза начинают влажнеть, он берёт меня за руку и даёт выход слепленным в снежный ком эмоциям.

Отец рыдает, прижавшись лицом к моей руке. Полностью бессильный в этот момент, как оголённый нерв.

Я лежу на кровати, упакованный в бинты, и не могу пошевелиться. Моё похудевшее на треть веса тело покрыто свежими швами. Из меня торчит трубка, уходящая в банку, потому что лёгкие заполнены жидкостью. Недавно я пережил худший кошмар в своей жизни, клиническую смерть и операцию без наркоза. Три наиболее дерьмовых сценария из всех возможных. Смертельный джекпот.

Я – его единственный сын.

Мой отец познал горе.

– Родненький мой, любимый, дорогой. Мой золотой сын. Мальчик мой. Как я тебя люблю. Как я счастлив, что ты жив. Я до последнего в тебя верил. Я знал, что ты выживешь. Молодчина. Кровиночка моя. Я бы себе не простил. Я не смогу жить без тебя. Сынок...

Мой отец четыре бесконечных дня познавал горе.

Моя мама. Моя сестра. Четыре долгих дня они торчали в приёмной реанимации каждую свободную минуту. И надеялись на чудо.

– Ещё не приходил в себя. Ничего не обещаем.

Это они слышали в ответ.

– Заберите в морге.

Это слышали в ответ люди из той же очереди при получении бумажки на получение тела. Не моего, конечно, а своих родственников. Бывших, разумеется.

Парад трагедий, который моя семья наблюдала в течение четырёх дней моей комы.

Разница между «не приходил в себя» и «заберите в морге» колоссальна. Но в любой момент одно могло смениться на другое. Тук, тук, тук, пиииииииииип.

Как в лотерее.

Что им оставалось? Верить. Только верить. Представить только: вера – единственная возможность. Вера. Не капитал, не связи, не власть и подчинение. И даже не насилие и доминация. Хотя это очень сильные вещи в нашем мире. Голая вера. И, конечно, молитвы.

И вдруг – вот оно! Повезло! Случилось лучшее!

Я, как воплощение чуда, возможности его существования, лежу на убогой больничной койке, по уши забинтованный, не могу двигаться, плохо говорю. Но живой. Я как новорождённый. Могу с трудом дышать, моргать и немного плакать. Я не могу даже толком улыбнуться. Но я есть, я живой.

Я живой.

И в этой крошечной палате, в крошечных Набережных Челнах, на крошечной Земле прямо сейчас происходит счастье, вокруг которого вращается бесконечная Вселенная.

Здесь сейчас бьётся новое сердце, собранное из четырёх людей, рождающих новую, свою вселенную.

Бог есть. И он всё видит. Он знает и любит каждого.

Чуть позже, когда эмоции поутихли, папа, мама и сестрёнка помогают мне, беспомощному, приподняться. Очень

осторожно, придерживая со всех сторон, как только что пробившийся сквозь землю росток. Поят меня кефиром. Первой пищей за последние четверо суток.

Позади так много всего. Боль, страдание, неизвестные прежде миры и даже сама истина.

И так много всего впереди. Моя новая жизнь, с новым взглядом на неё, очищенная от грехов, свободная. Я и сам теперь другой. Влюблённый в каждое мгновение человек. Новорождённый.

И вот как я к этому пришёл:

Глава 1. Дорога домой

Где-то на Дальнем Востоке, в десятках километров от никому не известного города Бикина, в глухой тайге, стоит богом забытая девятая пограничная застава. Через двести метров от неё начинается Китай.

Там же, где проходит граница, целыми днями плавают по реке Уссури китайцы на джонках. Денно и ночью эти маленькие и трудолюбивые люди ловят рыбу. А там дальше, в Китае, на берегу, другие маленькие и трудолюбивые китайцы растят рис. Круглый год, с раннего утра до позднего вечера эти мизерные, как муравьи, люди копаются в матушке-природе, добывая из неё еду. Чтобы питать свои крошечные организмы и плодить бессчётное количество подобных же, маленьких и трудолюбивых, которые будут денно и ночью заниматься всё тем же – добыванием пищи из матери-природы.

Лично мне неясна их мотивация. Я считаю всё это бессмыслицей, а тех китайцев, за которыми я наблюдаю, дебилами. Я просто записываю в журнал время нарушения государственной границы, проходящей по фарватеру реки, и звоню на заставу, сообщая ключевую информацию.

Странное дело: китайцы так и лезут на нашу сторону реки. Они реально думают, что, ловя рыбу на нашей стороне, рыбу на своей стороне они оставляют в запасе? Но ведь ре-

ка не делится, она ведь цельная. Другой «лайфхак»: китайцы копают экскаваторами со дна Уссури ил и присыпают на свой берег. Нарастивая таким образом свою территорию.

А однажды, лет тридцать назад, они самовольно заняли остров Даманский. Всё по тем же причинам. И вот это уже была та странность, на которую нам не было насрать. Да и не могло быть. Поэтому лет тридцать назад, когда маленькие и трудолюбивые китайцы перегнули палку, наши пограничники вломили им пизды и пинками отправили обратно в Китай.

Возможно, китайцы считают, что нам много нашей земли. Вдоль границы на китайской стороне – насыщенная жизнь, города, деревни, сёла. На нашей же стороне вдоль границы – тайга. Ни души. Только дикие звери и пограничники. Может быть, китайцы считают, что пустую землю нужно занимать, нужно целыми днями жрать и трахаться, плодя потомство, способное заполнить количеством тел незанятую, пустую территорию.

А я так считаю: сосите хуй со своей философией, дьявольское отродье. Тайга прекрасна. Что бы там ни думали китайцы или кто угодно ещё, тайга при полном отсутствии цивилизации неподражаема. Поднимаешься на вышку, под твоими ногами бесконечные леса, сопки, заросшие деревьями. Пестрит ярчайшими красками, благоухает. Животные, дикие, непуганные, живут своей жизнью, переговариваются на своих языках, свободно ходят где хотят. Непринуждённо

и естественно. Вокруг на десятки километров чистое, натуральное спокойствие, гармония. И лишь изредка какой-нибудь отчаянный паренёк переходит границу, ловит от нас пизды и отправляется в тюрьму. И дальше всё движется своим размеренным чередом. Этот дикий, не тронутый никем заповедник – чудо.

Два года я прожил в этом диком заповеднике, в самой ма-тушке-природе.

Лишь изредка это постоянство нарушалось либо новыми духами с их новыми историями о гражданской жизни, либо жирными майорами-полковниками, приезжавшими побухать-порыбачить. Либо школьницами, которых привозили трахать и майоры-полковники, и контрактники. Мелкие, с неоформившимися сиськами, глупые, пьянствующие и не по годам развращённые бляди из ближайшего села.

Иногда наш размеренный ритм нарушался преступниками. Тогда мы подрывались по команде «В ружьё!», ловили их и сдавали ФСБ. Где-то раз в год приезжал наш командир отряда, потрясающе крутой пацан и отличный человек. Он проверял сдачу нормативов, отказывался от бани и на дух не переносил разврат, так что наш начальник ему даже не предлагал. Хотя сам предавался ему со всем возможным рвением.

А однажды со мной произошло нечто потрясающее. Одно из наиболее важных моих открытий в жизни. Открытие красоты. Оно не только наполнило особенным смыслом мою

армию, но и навечно обогатило мою жизнь истинной ценностью. Одной из. Но об этом позже.

Так прошли мои два года службы, бок о бок с автоматом и двадцатью такими же солдатами.

И однажды случился самый классный из всех дней в армии. Дембель. В этом коротком, легко читаемом и казалось бы тривиальном слове собран смысл настолько огромный, что он невозможен для передачи тому, кто не был в армии и не пережил этого состояния.

Когда два года подряд каждый день, с утра до вечера ты абсолютное ничто. Когда твои хотелки не имеют совершенно никакого значения. Когда каждый пидарас со звёздочками на погонах имеет полное, законное право напрячь тебя на совершенно левую хуйню. На то, что ты никогда бы не стал делать за деньги по собственной воле. Когда за неподчинение этому напрягу тебя могут осудить.

И когда по истечении срока службы ты снова свободен, волен выбирать всё что угодно и вести себя точно так, как лично ты считаешь нужным.

Тогда ты испытываешь настолько полную, настолько пронизывающую нирвану, что весь мир вокруг тебя меркнет, блекнет, теряет всякий вес.

И вот это произошло со мной. Подайте мне фейерверков, да поярче!

Первое, что я решил сделать, – это потрахаться.

Конечно. Что же ещё? Трахаться!

Два года у меня не было этого, два года я, как сраный евнух, провёл без женского тела. Разумеется, я не трахал тот шлак, который привозили контрактники. Этих пропи-тых, вульгарных, испорченных детей, у которых только на-чали расти титьки. Потому что, чтобы трахать шлак, нужно самому быть шлаком, а я пиздат и охуителен. Мне требуется высшее качество.

Я хочу от души, отчаянно затрахать до потери сознания мою лучшую девочку, Альбину, которая живёт в Перми. Я хочу ощущать под своими руками первоклассное тело и ви-деть искреннее желание отдаваться мне одному без остатка.

Поэтому во время оформления документов я попросил билет не до Набережных Челнов, а до Перми. Учитывая, что Пермь ближе, это выгодная сделка. И всё же я получил отказ. Пришлось ехать до Челябинска, а там автостопом.

В поезде, битком набитом дембелями, был реализован единственный возможный сценарий – адский бухич. Дичай-шее, безудержное вливание в себя сумасшедших порций алкоголя, растление малочисленных гражданских девочек, драки с мореманами, потому что слишком охувшие, и запечатлевание всего этого на плёнку, которая, конечно же, была проёбана в процессе.

Пять дней в таком ритме – и вот я в Челябинске.

«Пока, пацаны. Конечно, пересечёмся на День погранич-ника, а на самом деле никогда».

И всё. Я больше не военный, я гражданский, наиболее

свободный человек в мире. Теперь я могу всё, весь мир у моих ног, каждая дорога открыта, а если её не существует, то можно и протоптать.

И как я распоряжаюсь этим? Покупаю в ночном ларьке бутылку нормального пива и кусок докторской колбасы. Ну что тут скажешь? Фантазия подводит после двух лет вышибания её из головы.

Самое сложное в автостопе – это добраться до нужной трассы через незнакомый город. Не знаешь маршрутов общественного транспорта, впервые видишь эти улицы, а каждый, у кого спрашиваешь дорогу, показывает свою собственную её версию. Поэтому, выйдя на трассу, я преодолел «большую часть дороги», и остальное было делом техники. Не считая того, что в Екатеринбурге пришлось проходить всё то же самое.

Один десантник, один пограничник и один поп, подобравшие на разных участках дороги, доставили меня в нужное место, пополнив мой запас бабла на плюс тысячу.

Оказалось, что дембель обладает привилегиями перед всеми остальными людьми. Дембеля хотят напоить, накормить, дать денег и помочь чем можется. Интересная тенденция, думаю, нужно ею пользоваться, пока есть возможность.

В Перми я переоделся из гражданской одежды, которую не жалко было замарать, в дембельскую. Которая оказалась самым настоящим магнитом для добрых людей с лишними бабками.

Я вышел от своего друга, к которому заходил, и чтобы увидеться, и чтобы переодеться, и чтобы помыться. А вот дальше я практически не ходил, дальше я перемещался от бара к бару по пути к своей глубоко обожаемой самочке. Потому что через каждые сто метров пути от очередного бара я встречал людей, кричащих мне:

– Дембель! Братуха! Красавец! Пошли угощу!

Воистину дембельская форма творит чудеса. Думаю, увиденная на улице дембельская форма, надетая на молодого парня, пробуждает чувство мужской солидарности у тех, кто также служил. И это чертовски приятное чувство. Нечто абсолютно мужское. Какое-то экзистенциальное и абсолютное ощущение мужской природы, самой сути понятия «быть мужчиной».

И даже перед самым её домом, домом моей сладкой, вожаденной девочки, я не стал противиться этому чувству и пошёл в бар с очередным, незнакомым мне бывшим дембелем. Так что у своей малышки я оказался тотально в хлам.

– Я вас очень уважаю, – сказал я её маме, открывшей дверь, – и очень люблю вашу дочь. Пожалуйста, отпустите её со мной на пару дней.

Мама посмотрела на меня довольно позитивно, несмотря на мой драконий перегар. Похоже, что магия дембельской формы сработала и в этом случае. Хотя её мама точно не служила.

– У вас всё будет нормально? – спросила она.

– Да конечно. В лучшем виде. Теперь вообще всё будет нормально, – успокоил я её маму, ловя себя на мысли, что и ей я бы вдул.

А потом появилась моя принцесса. Мой райский цветок, апогей всех моих двухгодичных желаний, упакованный в одежду и готовый к измощающему секс-марафону на несколько дней.

Классный пацан Шуруп, дома у которого и в компании с которым я провёл немало ярких моментов жизни, выделил нам лучшую комнату в своей квартире. С большой кроватью и выходом на балкон. Сам он при этом появлялся дома только поздно вечером, а уходил рано утром. Альбина забила на институт, так что у нас было куча места и целых три дня времени на то, чтобы затрахать друг друга до смерти. Целых три огромных дня на то, чтобы погрузиться в самый райский рай из всех возможных, пропитать друг друга друг другом, выпасть из числа выживающих и прожить вечность в персональной вселенной двух алчно вожделеющих друг друга людей. Разумеется, именно на это и были потрачены эти три дня.

После я позвонил своей подруге Маше, потому что соскучился по ней, и провёл у неё ночь, трахая её прикольную подругу, которая решила зайти к ней в гости. Саму Машу я, разумеется, не трахал, т. к. мы с ней отличные друзья.

Бурная, потрясная неделя, до краёв наполненная жизнью, и я, совершенно счастливый, сажусь в поезд. Теперь уже

до Набережных Челнов, до дома. А напротив меня сидит молодой мужчина, и похоже, что он очень хочет крикнуть:
– Дембель! Братуха! Красавец! Пошли угощу!

С виду серенький, ничем не примечательный, совершенно обычный парень лет тридцати. Простой тёмно-серый костюм, несколько потасканный. Рубашка, расстёгнутая на три пуговицы. Основательно стоптанные чёрные туфли. Среднего роста, крепенький, светлые волосы соломенного оттенка, как и пиджак, чуток в беспорядке. Небритость, несколько морщин, тоска во взгляде.

Крепкие руки с заметно выступающими венами. Руки чистые, светлые и сухие. Такая сухая чистота, как у пекаря. Или врача. У них всегда безупречно чистые руки, светлые, сухие и человечески «тёплые».

Явно не заводчанин: они не носят такие костюмы. Они носят китайские футболки с молнией до середины груди и «Примой» в нагрудном кармане. У них грязь под ногтями и в складках кожи. Вросшая в кожу, несмываемая грязь.

На крутого не тянет, едет в плацкарте. Да и мятый слишком.

Самый обычный, нормальный современный молодой мужчина. Который служил в армии, у которого жена, дети и стабильная работа по какой-то конкретной специальности.

И взгляд. Точнее, огонёк за привычным угасанием желания жить. Он видит меня, дембеля, и вспоминает себя, возвращающегося из армии. Когда перед ним были открыты все дороги, весь мир был у его ног, и он мог стать кем угодно, достичь любых вершин.

Он смотрит на меня вот этим «материнским» взглядом, слегка улыбаясь, и спрашивает:

– Дембель?

В эту секунду между его вопросом и моим ответом в моей голове проносится короткий клип, битком набитый алкоголем, наркотиками, азартными играми и обнажёнными женскими телами. Хмель, туман, разврат. Отлично в качестве завтрака.

– Да.

– Где служил?

– Погранвойска, Дальний Восток.

– Как зовут?

– Илья.

– Меня Женя.

Рукопожатие.

– Я сегодня не завтракал толком, пойдём в вагон-ресторан. Угощаю.

8 утра. Вагон-ресторан пуст. Заспанная официантка с помятой рожей, будто всю ночь ворочала мешки с картошкой, а потом спала на них.

– Выбирай что хочешь, не стесняйся, – говорит он мне как

родному. Как будто мы не случайно встретившиеся в поезде пацаны. Как будто мы пережили вместе разное. Как будто мы вообще братаны с детства.

И я снова ощущаю неуловимую, неопишемую и потрясающе классную мужскую солидарность, чувство мужского братства, единство всего маскулинного.

Ну, поехали:

– Дайте вот этот салат с оливками, говяжью отбивную, картофельное пюре, зелёный горошек, грибной соус, нарезку из ветчины, овощи, котлеты, рыбное ассорти, хлеб, пару пива. И пусть меню останется.

– А ещё графин холодной водки и две стопки, – подводит итог Женья.

Вот так, с самого утра. Еда, алкоголь, разговоры об армии, бабах, военных конфликтах. Потом трогать за титьки дамочку, которая пришла из купе выпить кофе, посидеть, подумать. Потом вломить пизды чуваку, который вписался за неё и стопудов не служил в армии. А потом снова фигачить и обсуждать армию, баб, военные конфликты. Отличное утро, прекрасный день и лёгкая дорога.

Так кто же такой Женья? Что он за человек?

Женья – нефтяник, нормально зарабатывает, едет из командировки. Живёт в Набережных Челнах, уезжает на три месяца на заработки, потом приезжает и три месяца ни в чём себе не отказывает до следующей командировки.

Дома жена и девятилетний сын, которого он безумно лю-

бит, одевает-обувает в самое лучшее, дарит ему тонны игрушек и вообще изрядно на него тратится. У пацана есть всё, о чём мечтают школьники. Счастливый малыш, наверное.

В своё время Женя служил в Чечне (на войне). Потому очень тепло относится к солдатам.

Женя отличный пацан, хороший отец, безгранично добрый человек и был бы отличным мужем, если бы не жена-овца. Которая, пользуясь случаем, посадила к нему на шею всех своих родственников и содержит их на его деньги. Старая пизда тёща, шантажируя фразой «Заберу внука к себе», вымогает у него бабло, тесть её поддерживает. Женя не унывает, живя любовью к сыну. И радуется, что у него вот так вот есть возможность посидеть со мной, свободным человеком, перед которым открыты все дороги, и вспомнить себя, когда он был таким же.

Такой вот человек Женя. Нормальный современный мужчина.

Глава 2. Дом

Осень. Вокзал. Ночь.

Вдоль большого здания, прекрасного своей простотой и ненавязчивостью, на перроне стоят люди. Каждый раскрашен разным прошлым и настоящим. У каждого собственное место в жизни, собственный взгляд, собственные цели. Одни кого-то ждут, другие куда-то уезжают, кто-то с радостью, кто-то с грустью, кому-то вообще всё равно. Каждый из этих людей по-своему воспринимает один и тот же поезд, который вот-вот приедет. И всё же поезд уравнивает абсолютно всех, делает всех одинаковыми. Перед ним все равны. У каждого есть свой вагон, своя полка, свой проводник. И даже стиль поведения в поезде у всех один и тот же – негласно установленные правила поведения во время поездки в поезде.

В процессе, пока едешь в поезде, ты можешь познакомиться со своими временными соседями. Ты можешь узнать о них что-то личное или что-то общее, можешь найти параллели со своим мировоззрением. Ты можешь выпить с кем-то и даже обменяться телефонами. И все же, какими необыкновенными ни оказались бы эти новые собеседники, интересными их делает только твоя цель поездки. Только тот факт, что, пока ты едешь куда-то, они оказались рядом. Потому что ты всегда центр вселенной, а они только попутчики.

И люди на перроне, и проводник, и соседи по купе не играют совершенно никакой роли. Особенно когда твоя цель поездки имеет важное значение. Особенно когда ты возвращаешься домой из армии.

В этот момент ты рок-звезда, самый важный человек в мире, первое лицо. Тебя должны встречать, скандируя твоё имя, восхищаясь тобой и твоим подвигом. Ведь ты потратил целых два года своей прекрасной молодости на то, чтобы защищать этих людей. А многие из них не делали для тебя ничего такого. Ведь многие из них – женщины, а некоторые – трусливые пидарасы, купившие военные билеты и считающие себя особенными, ставящие свои жизненные цели выше твоих. Хотя их цели, как правило, ограничиваются едой, материальным имуществом и продолжением рода, как и у всех.

А ты реально особенный, ты по-настоящему классный. Ты не слушал самок, пугающих дедовщиной, трусливых пидарасов, пугающих потерей времени, и своё эго, тянущее реализовать твою жизненную миссию. Ты пошёл в армию, отслужил как следует и вернулся домой. Ты самый охуенный пацан на планете.

Так встречайте же меня, расталкивая друг друга локтями, несите мне цветы, корзины с едой и упакованных в банты девственниц. Выкладывайте ковровую дорожку к постаменту, читайте пламенные речи и любите меня от всей души, любите изо всех сил, любите так, как я того заслуживаю. Ведь я дембель, мужчина номер один во вселенной!

Испытывая такие эмоции, полный безграничной радости и гордости за себя самого, я стою на выходе из вагона. Высокий, красивый, породистый. На мне новенькая отглаженная форма, начищенные до блеска ботинки с высокими берцами, я сверкаю, как золотой кубок. И...

Через две секунды я спускаюсь с поезда как обычный пассажир.

Я просто ставлю на перрон сначала одну ногу, потом другую.

И на этом всё свершилось.

Потому что всем похуй.

Всем насрать на пережитое мною. Всем насрать даже на тот факт, что я отказался от успешной рок-группы, должности директора филиала музыкального магазина и трёх первоклассных самок, чтобы пойти в армию. Отказался ради выполнения долга, реализации мужской миссии. Сознательно обменял своё прекрасное настоящее на армию. Сознательно. Сам.

Всем насрать, потому что все заняты своими невъебенными делами. Которые ограничиваются, как правило, едой, материальным имуществом и продолжением рода.

– Возьмём такси? – спрашивает меня Евгений, человек, с которым я познакомился в поезде и за чей счёт я всю дорогу провёл в вагоне-ресторане вместо убогого плацкарта, пропахшего носками, бабками, детьми и жареной курицей, спарившейся в фольге, как жирная жопа, упревшая в битком

набитой «ГАЗели».

– Сосиски и пиво, Женя. Сосиски и пиво. Ведь я дома, сукааааа, я в Набережных Челнах!!! Твою мааааать!!!!

Я рад вернуться, я счастлив, и даже полное отсутствие всеобщей любви и обожания не мешает мне быть тем, кто я есть, – самым охуенным пацаном на планете.

А на завтрак у меня первоклассные сосиски «Ак Батыр» и пиво. Сочные, горячие, обёрнутые в тесто и посаженные на палочку, эти культовые сосиски, обожаемые каждым, кто живёт в Набережных Челнах. И если Набережные Челны – твой дом, в котором ты не был два года, то первое, чего ты хочешь, – это выйти на вокзале и взять штук двадцать этих маленьких, насаженных на палочку кусочков Родины. И есть их одну за другой, наполнять своё тело домом, вбирать его в себя, попутно макая в стаканчик с кетчупом и запивая пивом. Конечно же, «Челнинским».

Когда в Челнах только появились эти сосиски, по телику началась реклама:

Стоит ларёк «Ак Батыр». К нему подходит мерзкий жирный тип с пустыми глазами и изъеденным оспой лицом. Заказывает пару сосисок. Отходит к столику и ест их, макая в пластиковый стаканчик с кетчупом. Потом ещё заказывает штук пять. И уже не ест, а жрёт, жадно, с остервенением поглощая их одну за другой. Прямо набрасывается на них с безумным взглядом, пытаясь утолить какой-то неутолимый голод. И вглатывает. Вбрасывает их в себя, как в топку. Ещё

заказывает. И ещё. И так до тех пор, пока сосиски не заканчиваются. Продавщица с удивлённым лицом разводит руками, играет идиотская музыка, и тип, расстроенный до глубины души, махает рукой. И выражение лица у него такое, как будто прямо сейчас он заорёт со всей дури: «ЗА ЧТО-ОООООО?????!!!»

Когда я впервые увидел эту рекламу, то совершенно не хотел даже пробовать эти сосиски. Мерзкий тип, наверное, самый мерзкий из всех существующих. И как они нашли такого? Где они откопали настолько уёбищного, противного, гадкого типа? Идиотская музыка, дешёвая съёмка. И весь город, как сорвавшийся с цепи, ест эти сосиски. Каждый ларёк постоянно облеплен людьми, каждые выходные не выходные, если не съел хотя бы одну сосиску «Ак Батыр». Все без исключения: богатые, бедные, средний класс, барыги и художники, водилы и директора. Все едят эти сосиски. Поэтому, естественно, мне не хотелось даже стоять рядом с их ларьком.

Но однажды, когда я был сильно пьян и сильно голоден... С тех пор я и стал частью бесконечной армии поклонников «Ак Батыр». Оказалось, что сосиски чудо как хороши. Настолько классные, настолько продуманные, что полностью оправдывают свою культовость. Полностью заслуживают славу отличительной черты города. Как в Туле пряник, так в Набережных Челнах сосиски «Ак Батыр». И только «Ак Батыр». Потому что любые другие сосиски – собачье

дерьмо.

И как же это здорово, что на вокзале есть круглосуточный ларёк «Ак Батыр». Что в нём всегда есть бодрствующая и улыбочивая продавщица, что всегда есть сосиски, тесто, чтобы в него макнуть, и горячее масло, чтобы в нём пожарить. И вуаля! Лучшее, что могут дать Набережные Челны на пластиковой тарелке в количестве десяти штук. А к этому два стаканчика кетчупа и полтора литра «Челнинского».

И всё это моё, щедрый пацан Женя башляет, я никуда не спешу, я прекрасен и охуителен, передо мной открыт весь мир. Отличное утро!

Последний мой завтрак в армии был точно таким же, как и все предыдущие: свежий хлеб и компот. Потому что перловку на воде без соли мои командиры могут ложечку за ложечкой запихнуть себе в очко. И туда же тушёнку. Хотя она и была лучшим из продуктов на заставе, а повар Дима подгонял мне её как лучшему другу, это была не тушёнка, а хлам. Невозможно назвать иначе коровьи хвосты, гениталии, уши и губы, перемолотые в сплошную массу, потушенные и закатанные в банку. Поэтому если на заставе не было мяса убитого на охоте животного или пойманной на рыбалке рыбы, то на завтрак я употреблял исключительно хлеб и компот. Причём компот до разведения его водой. Потому что после это была вода, а не компот. И так в течение двух лет.

Так что теперь, поглощая на завтрак превосходные сосиски и запивая их великолепным пивом, я каждой клеточкой

своего тела ощущаю крошечное счастье.

Крошечное.

Счастье.

А Евгений просто стоит рядом и смотрит на меня с улыбкой. Похоже, что и он счастлив. Но по-своему: Делая одному дембелю классную дорогу домой. Наверное, когда он ехал из армии домой, то никто не сделал ничего такого для него, а он очень хотел. Или наоборот, ему сделали, поэтому делает и он. Какой бы ни была причина, здорово, что в дороге мне попался Женёк.

Вокзал. Сосиски. Пиво. Такси. Мой родной двор.

– Это мой доooooooooом! – кричу я изо всех сил. Настолько громко, насколько могу.

В этом районе, этом доме, этом дворе прошли пятнадцать лет моей жизни. Я учился в этой школе, я плавал в этом бассейне, я отковыривал от этого здания эти маленькие облицовочные плиточки, чтобы играть ими с пацанами, которые жили в этом самом дворе. Здесь я получал свои первые пиздюли, здесь впервые целовался, здесь я лазил на крышу. Отсюда я уезжал учиться в Пермь и отсюда же в армию.

И похуй.

Вообще никаких эмоций я не испытываю к этому месту.

Мне насрать и на этот двор, и на дом, и на школу со всеми

её учителями, кроме некоторых. И на бассейн. Мне решительно плевать на каждый квадратный сантиметр этого района и каждый кубический сантиметр его воздуха.

Так почему же я кричу, что это мой дом? Тем более в шесть утра. Почему я просто не зайду в подъезд, не тревожа мирный сон соседей?

Мама.

Я хочу, чтобы моя мама знала, как сильно я рад снова оказаться здесь, где живёт моя семья. Хочу эмоционально передать, насколько меня переполняют чувства, чтобы по интонации она всё поняла. Ну и, конечно, обрадовалась, что я вернулся, живой и невредимый.

Мы с Женей поднимаемся на лифте на четвёртый этаж, и, конечно же, мама не спит. Папа дрыхнет, а мама нет. Более того, стол ломится от еды и алкоголя. Потому что мама знает, как давно я нормально не ел, как заебался в армии. Она, может, ещё не ложилась со вчерашнего дня, зная, что я приеду. Она готовила, убирала, накрывала на стол.

Моя единственная любимая женщина.

Та самая, которая всегда будет рядом, которая будет любить меня таким, какой я есть, гордиться каждым моим позитивным поступком и оправдывать каждый негативный. Женщина, чьё сердце бьётся в унисон с моим, чья ДНК молекула в молекулу совпадает с моей. Которая девять месяцев носила меня в себе, испытывая дискомфорт, чей организм питал меня, жертвуя собственным благополучием. Моя мама, ко-

торая мыла мою задницу, когда я обсырался, просыпалась, когда я плакал ночью, пела колыбельные, успокаивала, когда я боялся ведьмы под кроватью, лечила мои ссадины, когда я учился кататься на велосипеде. Которая выслушивала чудовищный бред от моих ёбнутых учителей и всё равно оставалась на моей стороне, даже если я был не прав. Она единственная радовалась моим скромным школьным наградам по борьбе, слала переводы в Пермь и посылки в армию. Она единственная писала мне каждую неделю, пока я служил. Длинные письма, наполненные нежностью, поддержкой, верой в меня. Она та самая, которая прямо сейчас не спит и ещё не ложилась спать, потому что сегодня я вернулся из армии.

Моя мама, единственная любимая мною женщина и единственная, способная любить меня так, как никто в мире.

Именно поэтому я и кричал во дворе, вкладывая в слово «дом» мою любовь к маме, зная, что она не спит, а очень ждёт меня.

Я стою в дверях, мама изо всех сил сжимает меня в объятиях, как будто я совсем маленький, как будто ребёнок. Из её глаз струями льются слёзы. И я плачу. Она целует моё лицо, мои руки. Часто, много, поспешно. Такое счастье, что голова кружится, а сердце стучит, как бешеный мотор. И такое ощущение, что вот-вот произойдёт что-то потрясающее, а оно и так прямо сейчас происходит.

Папа проснулся, сестрёнка. И вот мы уже вчетвером сто-

им, обнимаемся.

Бедный Женя стоит один необнятый и не знает, что ему сказать.

– Это Женя, – говорю я.

– Здравствуйте, Евгений, проходите, пожалуйста, садитесь за стол, – предлагает мама.

Женя отнекивается, а мама настойчиво заводит его в квартиру.

Вскоре, немного посидев, Женя, как приличный человек, уходит. И мы все вместе делимся друг с другом своими эмоциями, рассказываем истории и восполняем пробелы участия в жизни друг друга.

Глава 3. Друзья

Я лежу на кровати и смотрю в потолок. Потолок белый.

В комнате приятно прохладно от открытой форточки.

Я проснулся минут пять назад, на мне нет одежды, я лежу под одеялом и смотрю в потолок.

Мне не нужно на работу, на учёбу, я никому ничего не должен. На что я потрачу этот день, то и будет. Меня радует мысль, что я могу разбазарить сегодняшний день на удовольствия. На что-то, что не принесёт мне ничего, кроме сиюминутного кайфа. Меня совершенно не волнует необходимость создавать вклад в будущее.

Когда ты взрослый и ответственный, ты испытываешь чувство вины, когда не тратишь какой-то отрезок своей жизни на что-то, касающееся будущего. Обычно это работа, как вклад в своё благосостояние. Или учёба, как вклад в своё развитие в профессии. Да, термин «умственное развитие» я сознательно не использую. Потому что развитие ума – это развитие способности мыслить, анализировать обстоятельства и принимать наиболее разумное решение. А учёба – это когда ты, как ёбанный раб, учишься выполнять работу, которая тебе нахуй не нужна. Например, бортировать шины. Или рангом повыше – ловить пики ростов и падений нефтяных фьючерсов. Или ещё рангом повыше – диагностировать болезни. На земле не найдётся никого, кто, положа ру-

ку на сердце, сказал бы: «То, что я вырезаю аппендициты, делает меня счастливее». И всё же, чтобы выжить, всем нам требуется сегодня сосать хуй, чтобы в будущем заменить хуй леденцом. Или пряником. Всем приходится сегодня жертвовать своим удовольствием, пиздуя на работу, чтобы потом...

В реальности – чтобы потом так же сосать хуй. Идея того, что станет лучше, мифична. Всё будет точно так же. Та же работа, те же лишения, то же отсутствие удовольствий и полноценной личной жизни. Т. к. личная жизнь с 20:00 до 22:00 с понедельника по пятницу и по четыре часа в выходные – это не личная жизнь.

Почему в выходные по четыре часа? Ведь не надо идти на работу? Но ведь никто не отменял выполнения социальных функций. Это тоже работа. И учёба. Учение быть рабом. Ёбаным куском тлеющей биомассы, которая не испытывает ничего, но, возбуждённая мифической надеждой на лучшее, медленно тянет лямку.

Так, блять! Какие ваши доказательства? Что это за хуйню ты порешь, парень? Мы все живём полноценной жизнью!

Из нескольких миллиардов живших на земле людей лишь нескольких нельзя никем заменить. Это именно те, кто жил жизнью полной ценности. Собственно, вот и доказательство. Любого токаря Федю можно заменить токарем Васей. А Телу ты уже никем не заменишь. Ценность. Полная.

Ну, зачем же равняться на таких людей? Это же уже дар, это гениальность.

Да, конечно, давайте равняться на соседа, который по пятницам хуярит водяру и орёт в караоке. А уж если равняться на бомжей, так это вообще не жизнь, а подвиг у любого продавца мороженого. В школе никто не предлагает равняться на двоечника, так с какого хуя в жизни нужно равняться на неудачников?

Ну хорошо, да, мы все облажались. Но ведь для близких мы важны. Для них мы незаменимы.

Что верно, то верно. Мою маму никто не заменит, она уникальна. Но это моя личная привязанность, а речь идёт о полноценности жизни, чего-то, касающегося всех людей. А не о моих частных делах.

И в данный момент вся эта ботва мне ровно безразлична.

Я лежу на кровати, смотрю в потолок и ощущаю свою жизнь, полную ценности. Каждая секунда моей жизни имеет наиболее важный смысл из всех возможных. Именно сейчас, когда я полностью свободен, когда я могу сделать всё что угодно. В любом количестве.

Звонит телефон.

Думаю, я потрачу своё сегодня на удовольствия. Делу время, потехе час – это для рабов. Свободный человек наслаждается тогда, когда хочет, и столько, сколько хочет. Собственно, свободным свободного человека и делает та внутренняя свобода, благодаря которой ты волен поступать, как угодно тебе.

Ветер задувает через форточку. Дворники метут двор поз-

же обычного. Люди спят, отсыпаясь перед понедельником. Я лежу на кровати, проснувшись несколько минут назад, и наслаждаюсь тем, что живу здесь и сейчас.

Мой отец поднимает трубку:

– Кристина! Привет! Как ты? Как у тебя дела?

Мой папа крайне позитивно относится к моей подруге Кристине. Она, конечно, того стоит, но позитивное папино отношение к ней – это что-то особенное.

– Да, приехал. Этой ночью. Дома. Спит.

Это Кристина. Моя давняя знакомая. Вообще-то для кого-то это не давнее знакомство. Два с половиной года. Но у меня каждый год за десять по насыщенности, так что она моя очень давняя знакомая. Прямо реликтовое.

Когда-то я пришёл работать в «Оскар», музыкальный магазин, и познакомился с ней. Нет, я её не трахал. Потом она писала мне в армию каждую неделю и присылала кассеты с бодрой музыкой. Во время той переписки мы и стали друзьями.

К разговору о привязанностях и ценностях: её никто не заменит. Но это касается только меня. И больше никого.

Батёк любезничает с Кристиной по телефону, несёт какую-то свою хуйню. Он вообще любитель любезничать с моими девочками.

Помню, когда мне было пятнадцать, у меня была одна классная чикса. Она была старше меня на пять лет, у неё были крутые бёдра, классные титьки и высокий рост. Ах да, ещё

и красивое лицо, живой характер, отличное чувство юмора и аристократическая тактичность. Не та тактичность, когда не кладут локти на стол и всячески выёбываются, всеми силами обозначая себя высшим существом. Я называю это «наиболее дрессированная лошадь из стада». У той девочки была натурально аристократическая тактичность. Которая рождается из широкого кругозора, осознанной любви к жизни и, как следствие, сознательно позитивного отношения ко всему сущему. Её нельзя было не любить.

Так вот, однажды она пришла ко мне, а батёк затянул её на кухню и давай что-то втирать. Вот всякую хуйню. Мне было пятнадцать, я требовал максимум внимания к себе, поэтому закрылся в своей комнате. А этому старому пердуну похуй – сидит и чешет, сидит и чешет. Как будто она пришла к нему. Тут, блять, каждая секунда на счету, лето закончится, и она уедет в Казань, а я не могу побыть с этой девушкой. И почему? Потому что в моём батёке проснулся жеребец! Охуительная, блять, история.

Разумеется, с Кристиной всё иначе. Во-первых, мне больше не пятнадцать и мой мозг работает иначе. Во-вторых, Кристина никуда не уедет и мы не трахаемся. Ну и, в-третьих, я в любой момент могу подойти и забрать трубку.

Батюку тоже нужно счастье в жизни, пусть порадуется?

А с чего вдруг его счастье связано с моими девочками? Кто мешал ему строить жизнь так, чтобы каждое мгновение имело смысл и приносило радость? Я же не из космоса до-

стаю таких знакомых. Прекрасные люди – вот они, вокруг, их полно. Достаточно самому быть таким, с какими хочешь общаться. Или общаться с такими, какой есть ты.

Ну всё, хватит валяться. Город, полный удовольствий, ждёт меня, человека, которому они нужны.

Я встаю с кровати и подхожу к телефону.

– Илюха проснулся. – На лице у папы улыбка от затылка до затылка. – На. Кристина звонит.

Папа всегда говорит очевидные вещи, когда его разум затуманен его счастьем.

– Илююююха! Привеет!

Она рада меня слышать, она всегда на позитиве, она хрупкая и уязвимая, а я тот, от которого она точно не ждёт ничего плохого, поэтому раскрывается полностью. Я сокучился по ней.

– Привет. Я соскучился. Ты работаешь сегодня?

– Да. До шести.

Ну всё, теперь я не хочу ничего, кроме как быстро одеться и пойти к ней.

– Я скоро буду. Только зайду к Цурику на пару минут.

– Давай, приходи скорей!

Ну вот теперь и у меня улыбка от затылка до затылка.

Кладу трубку и иду к Цурику, чтобы накусаться с утра и сходить с ним купить цветов. Ну и потому что сейчас утро и до шести далеко, так что мы зайдём к ней, а потом до шести будем хуярить и где-то ошиваться.

После работы Кристина собралась отмечать день рождения с коллегами на работе, в «Оскаре». Когда-то я тоже там работал. До армии. Там же и познакомился с Кристиной. Точнее, обрёл потрясающе ценного друга – Кристину. Насчёт остальных людей ничего такого сказать не могу, потому что все остальные были совершенно обычными. Такими, с которыми ты вежлив, когда рядом, и которых напрочь забываешь, стоит тебе неделю их не видеть. Обычные, нормальные люди.

Так что шёл я туда исключительно к Кристине. И, желая произвести на неё впечатление, решил вести себя, как брутальный пацан из армии. Надел форму, аккуратненько всё поправил, взял цветы. Хотя и знал, что мне достаточно просто прийти. И более того, мы просто друзья. Между нами нет ничего, кроме качественной дружбы, и ничего не будет по ряду причин, и главная из которых: хорошая девушка-друг гораздо ценнее просто ебли. Несмотря на это, сидит же эта мужская природа: идёшь к девушке и включаешь мужика. И чем дольше не видел девушку, тем больше нужно мужика.

Да и не только это. Также и желание показать ей, что я молодец, что служил. Чтобы она понимала, что я отличный парень. Это просто инстинктивно.

За полчаса до закрытия я зашёл в «Оскар», изо всех сил стараясь соответствовать образу служивого, сдержанного мужчины. Всю дорогу до места я репетировал фразы, мимику, жесты. И всю дорогу это были сдержанные, уверенные движения, находящиеся под полным моим контролем.

Но, как только я увидел Кристину, вся тренировка пошла прахом. Я не смог оставаться сдержанным, серьёзным, brutalным. А стал собой – открытым и добрым пацаном. Я обнял её, прижал к себе и приподнял над землёй. Ну, точнее, над кафельным полом магазина. И начал целовать в щёки по-братски и рассказывать, как я по ней соскучился. А она правильно согнула ножки и выглядела на мне как принцесса.

Какое-то время мы провели в этом состоянии на радость персоналу магазина, который ещё не видел своего директора в такой ситуации. Кристина к этому времени стала директором.

После приветствия, дарения цветов, поздравлений я говорю:

– Помнишь, я обещал вернуться из армии в морской форме?

– Да, – говорит Кристина, – но это же не морская форма. Морская вроде чёрная, с лентами.

– Всё верно. Не морская. Дело в том, что командование запретило мне носить чужую форму. И, так как я служил в пограничных войсках, приходится носить пограничную форму. Ничего так, пойдёт такая?

– Конееечно, – протянула Кристина. – Ты выглядишь очень мужественно. И, наверное, ты в любой форме выглядел бы так же.

Пока мы болтали о разном в сторонке, рассказывали друг другу всякое, другие работники «Оскара» накрыли стол в подсобном помещении. Запахло водкой.

Оливье, ебучий салат с кукурузой, нарезки, овощи, пельмени. Короче, полный комплект под пьянство, еблю и драки. Не думаю, что здесь эта схема будет реализована, всё-таки люди мирные, степенные, но начало правильное. Может, получится весело провести время, нажравшись до беспамятства.

За небольшой стол в маленьком помещении уместилось двенадцать тел, включая меня и Кристину. Места было не очень, но я всё же поставил ноги пошире, чтобы не уронить на форму салат или ещё что. За столом разговоры, люди едят, и что-то какая-то прямо хуйня: никто не пьёт. Я решил, что нужно направлять ситуацию в нужное русло, разлил всем и говорю:

– Кристина, поздравляю с днём рождения, желаю счастья в личной жизни.

Выпил и давай снова разливать. Потому что ну их нахуй эти условности. Ну да, эти люди видят меня впервые, кроме Кристины и Паши. Ну и что? Пара кругов – и притрётся. А кому не притрётся, тот пусть валит нахуй, сраный пидор.

Что же до тоста, то да, я не умею произносить такие вот

речи, поздравлять с днями рождения и прочее. У меня всегда одна и та же поздравительная фраза. Не скажу какая.

Первый круг закусывается обильно и чинно, второй уже попроще, третий, четвёртый, пельмени берутся руками. Всё идёт заебись.

Приличные девочки громко смеются. Рассказывают, при-
творно стесняясь, неприличные истории. Приличные маль-
чики проводят недвусмысленные аналогии. Шуточки ниже
пояса, водка, закуска. Девочкам нравится, и вроде всё идёт
как надо.

Но что-то какая-то хуйня происходит.

Вдруг я замечаю ложку дёгтя в этом начинающемся мёде.

О чём говорят эти люди? Что это за темы, что за интере-
сы? Почему они обсуждают что-то настолько несуществен-
ное, что и в голову не придёт? Это какие-то настолько пустые
разговоры, что лучше занять рот выпивкой, чем разговари-
вать их. Вся эта болтовня не имеет ни малейшего смысла,
но они так активно ведут беседы... Что-то вообще не то. Я
выпадаю из этого круга.

И хотя Паша поддерживает со мной разговор на армей-
ские темы, т. к. сам служил и т. к. вообще нормальный па-
цан, всё же я замечаю, что ему куда прикольней обсуждать
всю эту гражданскую хуйню.

Кристина видит мой конфуз и спрашивает про армию. Вот
она подруга. Вот настоящий товарищ. Не думаю, что её прёт
базарить со мной о заставских вещах. Я вижу, что ей ближе

весь вот этот мир. Но я рассказываю. И постепенно все начинают слушать.

Как сраного лектора.

Как будто приехал в школу прапор и втирает свою армейскую хуйню.

Они же ничего не понимают. Они смотрят на мою форму, на то, как для меня это важно, и изображают внимательность. Но им насрать. Зачем они меня слушают? Почему они все заткнулись? Почему чувак рядом, Тимур, спрашивает:

– Что вам дала армия? Какие эмоции испытываете по возвращении? Сложно было служить?

Пиздец тип. Он из другого мира, осторожничает. И даже не представляет, что в армии служат такие же простые пацаны. Для него мой мир – тайна, которая живёт по своим понятиям, со своими ценностями.

Так и есть.

В армии всё иначе. Там ты загнан в ограниченное пространство, набитое разной степени зрелости мужчинами. В основном недоразвитыми, проходящими становление там, в армии. И эти пацаны переживают очень важные вещи. Не только для них, для любого нормального пацана важные вещи. Там вот этот пустой трёп совершенно ни к чему. Там каждый день ты учишься жить. Там каждая шутка полна смысла, и от твоей реакции зависит то, как к тебе будут относиться. Каждое твоё действие записывается в тебя, как в доску, к которому каждый имеет доступ. И от того, что именно

записано в твоё досье, зависит, как тебя будут судить. Там ты начинаешь видеть всё иначе, оцениваешь иначе.

Но, несмотря на важность этого опыта, он не имеет веса в этой среде, у этих людей, которые знают об армии по рассказам. Моим, ещё чьим-то. Здесь весь полученный мною пласт знаний расценивается как бесполезный.

Так какого же хрена вы устали на меня, ребята? Почему вы такие «приникшие», внемлющие?

Потому что я дикое животное, привезённое с сафари. И вы не знаете, как я отреагирую на вас. Вам кажется, что, если сделать неосторожное движение, я поведу себя неадекватно. Но я даже не давал повода так думать. Да, я не треплюсь обо всей этой пустотелой хуйне, но разве нужно из-за этого смотреть на меня так внимательно, заткнувшись и создавая видимость впитывания?

Я говорю Тимуру:

– Отец, давай проще будь. Тебе ли не похуй, какие там эмоции? Давай не парься, лучше вмажем ещё по одной.

Бля, да я же нормальный чел. Я не какой-то отмороженный еблан. Я просто не втыкаю в ваши темы, вот и всё.

Ну что тут ещё поделаешь? Бухать. Конечно, бухать. Разговор я поддержать не могу, чувствовать себя не в своей тарелке меня не прёт. Так что давайте, пацанчики и девчонки, побухаем. А разговоры – пустое.

У меня порог опьянения высокий с детства, поэтому я сижу и просто накачиваюсь алкоголем. Хотя не поэтому. А по-

тому что чувствую себя не в своей тарелке. И всё-таки это дерьмо давит.

Вроде всё понятно, вроде привычно. Но всё как-то не так. Не понимаю, о чём они разговаривают, как находят общий язык. Не вижу смысла в этих темах. Выпить, закусить, повторить.

Илюх, что нужно сделать?

Правильно:

Выпить.

Закусить.

Повторить.

Кто-то предложил поставить музыку:

– Сидим в музыкальном магазине и без музыки.

Я говорю:

– «Ленинград». Давайте «Ленинград». Лучшая группа. Прямо вот лучшая! Зэ бэст!

Ну вот и славненько. Люди пьяные, «Ленинград» играет. И я почти в норме. Не хватает только бабы.

Тут я поворачиваю голову налево. И что я вижу?

То, что надо: пьяная, весёлая, молодая. Сиськи, ляжки, улыбается. Подходящий формат. Я смотрю на неё пристально, она не отводит взгляда. Тогда я обнимаю её и говорю:

– Моя женщина.

А она говорит:

– Я замужем.

Но так робко, покорно. Или мне кажется? Кажется, не ка-

жется:

– Какая разница?

– Есть немного.

– Мне насрать.

Я смотрю ей в глаза, она мне. Улыбается.

– Боооже, – тянет она, отводит взгляд и смеётся.

Нормальный ход. Держу паузу.

– Хорошо, сегодня я буду твоей женщиной, – говорит она как бы в шутку, оглядываясь и ища поддержки коллег.

Хуйня-война, детка, забей, они задроты.

Неужели и я таким стану? Нееееет, нихуя! Секундное помутнение. Едем дальше.

В переводе с женского на мужской её слова значат примерно: «Мы можем сегодня потрахаться».

Причём она реально замужем. Но, похоже, ей насрать на это. Потому что её муж ограниченный еблан, какой-нибудь игрок из тех, что сидят сутками в игровых автоматах, выстраивают игровые схемы, обсуждают их, напустив умного вида, с такими же. Хотя на самом деле это просто зависимость от игровых автоматов, и нет в ней ничего особенного. Иллюзия быстрого куша, лохотрон. Может, он даже бьёт её иногда, потому что он сраный лузер. Но она держится за семью, потому что «ребёнку нужен отец». И это на самом деле тоже отговорка, потому что ей не хочется стыдиться развода, материнства-одиначества. Может, на неё давят родители.

Не важно.

Её семья и её душевная боль вообще не важна, потому что сейчас она готова к тому, чтобы я ей вдул. И это единственный факт, который меня волнует. Меня волнует возможность вдуть, особенно потому, что она нормальная и современная, а я выпавший из гражданской жизни чувак. Я в прострации, а ничто так хорошо не убеждает тебя в твоей нужности, как сиська свежей тёлки, лежащая под твоей рукой. Ей это нравится, а значит, я интересен не только себе.

Замечу, эта сиська лежит только в моей руке, никакой другой руки на ней нет.

Эта чикса тянет меня танцевать. Чудесная идея и важная часть ритуала брачных игр – демонстрация физических возможностей твоего тела с одной стороны и потенции ваших отношений с другой.

Эта чикса... Нет, я не знаю её имени. Она уже произносила его, кто-то за столом обращался к ней по имени, но я так занят собой, что её имя прошло сквозь меня, как пуля сквозь тонкий шёлк.

Она радуется. Да, детка, сегодня у тебя будет новый член. Для взрослой девочки это как новая Барби для маленькой. Для неё это не плоть, не часть тела другого человека, а фетиш, сувенир, может, даже кубок, приз за первое место в конкурсе самок. Ведь он достаётся ей одной, а не на пару с подругой. И не за деньги. Она его заслужила, и она его получит.

Она виснет на мне всей тушей. Она пьяна. Я также в хлам и совершенно не могу её удержать. Кажется, в этот момент

мне не даётся роль brutального пацана, потому что я не могу удержать тело бабы, которой планирую вдуть. О, чёрт, она ещё и вертится. Эй, не нужно так рьяно, моё расположение уже получено, я тебе вдую, не переживай. Тише, тише, ти-и-ишнееее.

И тут она делает совсем дерзкое движение, летит в сторону спиной вперёд, надеясь на меня, благополучно выпадает из пьяных моих рук и со всей дури бьётся башкой об острый угол витрины.

Блять!

Вот в натуре: Блять. Не вовремя. Не в тему. Блять!

Из её головы капает кровь. Он проводит рукой по затылку, смотрит на меня в упор и показывает кровь. Да, моё эго не в лучшем месте. Я не удержал её в руках, и она разбила себе голову. Она смотрит на меня, показывает кровь. К ней подбегают остальные.

Зачем? Ну зачем ты дёргалась? На хрена ты, бухая, выдавала все эти нелепые выкрутасы? Как же неловко. Brutальный, блять, армейский пацан, мачо, блять, у которого из рук выпадает баба. Нужно срочно съёбывать, я не могу смотреть им в глаза. Мне стыдно. Нахуй, нахуй отсюда.

Я выхожу на улицу. В магазине стихла музыка и включился свет, они обсуждают разбитую голову, а я быстрыми шагами удаляюсь от своего позора.

На безопасном для моего самолюбия расстоянии от магазина я слышу:

– Молодой человек...

Ночь, тьма, фонари, на улице пусто. Поворачиваю голову, стоит приятная молодая девушка. Рядом с ней – подруга. Молодые, сочные чиксы.

– У вас зажигалки не найдётся?

Даю зажигалку. Рядом с ними, держась за стакан, стоит какой-то задрот. Какого хрена задрот стоит с чёткими девчонками ночью на безлюдной улице?

– Спасибо. А как тебя зовут?

– Илья.

– А меня Эльвира, а это Аня.

Тёлки явно кокетничают. Похоже, что течь вызвана формой. Стопудов форма привлекает чикс. Ведь это доказательство мужской состоятельности. И если тёлка говорит, что на неё не действует армейская форма, она пиздит. На каждую нормальную самку в мире армейская форма действует возбуждающе, так же, как на любого нормального самца действует женское нижнее бельё.

Ну вот и славно. Форма меня уже напоила и накормила, теперь может обеспечить ещё и женским обществом.

– Сергей, – протягивает руку парень, стоящий с девочками.

Пиздец еблан. И стоит, смотрит на меня с надеждой. Нет,

чувак, не пожму я тебе руку. Иди лучше пососи где-нибудь у кого-нибудь, или что ты там делаешь, чтобы найти друзей? Сэр гей, блять.

– Ты дембель, да? – спрашивает Аня.

– Ну да. Откуда ты знаешь это слово?

– Ну-у-у...

Она так загадочно отводит взгляд в сторону и вниз, улыбаясь при этом, что чувствую, знакома она с этим словом через дембельскую ширинку. Бабы определённо слабы на передок перед формой.

– Давай за тебя выпьем.

– Давай.

Аня протягивает мне стакан. Чёрт, какая же хорошенькая!

Я беру стакан, отпиваю половину. Это пиво.

– Ты где служил?

– На Дальнем Востоке, детка, – отвечаю я и беру в руку её задницу движением, которое мне очень нравится. Глядя прямо в глаза, проводишь рукой по пояснице, суёшь её под трусы в продолжение и, проведя по трещине, сжимаешь ягодицу. Классное движение, и девчонкам нравится. Два года его не использовал. Чёрт!

– Оу, какой ты наглый... – говорит Аня.

Она довольна, Сергей напрягся. Нужно прогнать этого уёбка и зависнуть где-нибудь с дамочками.

– Просто ты мне нравишься, – говорю я Ане. Потом пере-

вою взгляд на Эльвиру: – И ты. Вы классные, девчонки.

У чикс чешется. Определённо. От них исходит такой запах, какой бывает, когда девчонки выпьют, потомятся немного и видят перспективу потрахаться. Похоже, они тут уже с час тусуются, обрывая этикетки с пивных бутылок.

Только бы удержаться на ногах и говорить посвязней, а то пиздец уже штормит. Хотя девочки и сами под градусом. Так что всё норм.

Сергей хочет что-то сказать, но я смотрю на девочек, а девочки на меня.

– Ты нам тоже нравишься, – говорит Аня и обнимает меня.

Эльвира смотрит на неё, обнимая меня с другой стороны.

– Подруга... – Она запускает руку мне под китель. – Ты такой красивый и мужественный, с тобой нам ничего не страшно.

Тюююю, бедные вы мои девочки, никто-то вас не трахает. Серёжа, пидорок, блять, по ходу, вообще тормоз.

Я сжимаю попку Ани, просовываю палец ей в промежность и добираюсь до наиболее интересного места. Она делает удивлённое лицо:

– Да ты вообще нахал!

Она манерно разыгрывает невинность, подняв брови и делая удивлённое лицо.

Да я пиздец просто, да.

– Ой, прости, – говорю, – а я и не заметил. Могу убрать.

– Да нет уж, оставь, – говорит она таким намеренно хозайским и одновременно игривым тоном.

Бляяяди. Люблю блядей.

Эля щиплет меня за сосок.

– Илюша, а ты проводишь нас домой? – спрашивает она. – А то родителей нет и не будет целую неделю, а нам страшно вдвоём.

– А сколько вам лет, девочки?

– Девятнадцать, и Ане тоже. Уже можно, – недвусмысленно заявляет Эля. Эля – это сокращённое от татарского имени Эльвира.

Сергей кряхтит, изображая наличие себя, обделённого вниманием.

– Что такое, Серёжа? Ты заскучал? – спрашивает его Эльвира.

– Да я просто...

Аня прерывает его:

– Как же ты меня уже достал.

– Ты такой скучный, – говорит ему Эля.

– Чувак, вали отсюда, – говорю я.

– Ты только оставь нам три сотки, – говорит Аня, – на хлебушек.

– Я пойду с вами, – не выдержал сэр гей.

– Исключено, – говорит Аня. – С нами пойдёт Илья, а ты иди к себе домой и не обижайся.

– А если с вами что-то случится? – спрашивает Сергей,

доставая бумажник и отслюнявливая три красных бумажки.
Феерический лох!

– Илюш, с нами же всё будет нормально? – спрашивает меня Аня.

– Да с вами вообще всё будет отлично, – говорю я.

– Аня...

– Всё, блять. Заебал, – Анна как отрезала.

– Эй, ты больной, что ли? Пиздуй нахуй отсюда, – говорю я ему.

– Ладно, я пошёл.

Сергей уходит.

Ну всё, самочки, теперь мы дойдём до подходящего места, и я раздам вам армейских зарядов.

– Ты такой большой и сильный, тебя на двоих, наверное, хватит? – спрашивает Анечка.

– Дамочки, дамочки, как бы вы сами не выдохлись, – пытаюсь сказать я, но идёт уже что-то бессвязное по ходу.

Пьяные, шатающиеся и трогающие друг друга за интимности, мы пиздуем ночью по безлюдной улице, бессвязно болтая друг другу всякие пошлости.

Трахать, сношать, сандалить до посинения! За всех моих армейских пацанов, которые остались вздрачиваться. За всех мужчин планеты. Удалбливать до конвульсий. А потом ещё по палочке на подругу. По контрольной.

– Иииильяяя! – крик сзади. – Стоооойтеее!

Что за хуйня? Funny-тайм на носу, а меня кто-то зовёт.

Не надо так. Пиздуйте нахуй.

– Илюх! Стой!

Девчонки всколыхнулись.

Подбегают Кристина с Пашей. Как спасатели, блять, Малибу.

– Куда вы его тащите? – накидывается Кристина на моих самок.

– Никуда, он сам с нами пошёл, – отвечает Аня.

– Кристина, сестричка, я иду к этим девочкам.

– Ты что, совсем ничего не видишь? Это же бляди.

Девочки оскорбились, услышав такое определение, но решили не нарываться. Кристина взрослая и спокойно может надавать этим милашкам таких подсрачников, что улетят до Парижа и сами не заметят, как пересекли границу без визы.

– Да похуй, – говорю, – у меня всё под контролем.

Говоря это, я понимаю, что вообще в хлам. Что вполне возможно, что в тёлочках я мог и ошибиться насчёт внешности. Но правда, какая разница? Если ты считаешь, что всё ок, значит, всё ок.

Паша смеётся:

– Какой там контроль? Ты же в мясо.

По-братски так смеётся, по-дружески. И ему правда смешно. Наверное, я и выгляжу смешно.

– Пошли, – заявляет Кристина, – мы отведём тебя домой.

Они берут меня под руки и оттаскивают. Девчонки услуж-

ливо уступают. Вот же лохушки.

– Кристина, хорош, завязывай, – говорю я, а сам падаю в их руки, как подкошенный. Бухой, блять, в стельку.

Кристина с Пашей просто утаскивают меня без возражений.

– Пока, красавчик! – кричит Аня.

– Пока, девки! – кричу я. Вот чёрт, даже телефон не взял.

– Серёжа!! – Девочки решили не упускать последнюю струю и бегут догонять тормоза Серёжу.

А Кристина с Пашей тащат меня домой, жертвуя своим личным временем.

Друзья.

У меня есть пара настоящих друзей и несколько таких, с которыми можно потусоваться. Цурик и Гурьянов – мои настоящие друзья. С детства.

С Гурьяновым я познакомился в первом классе, через него же с Юрой.

У Юры ещё есть сестра, которую мы все жутко хотели, когда учились в первом классе. То есть хотели, как могут хотеть первоклассники. Не знаю, как сейчас со всеми этими ГМО, толерастией и правами ребёнка, а мы в первом классе уже прекрасно знали, что куда вставлять и какой в этом смысл. Я лично уже имел свой первый сексуальный опыт.

С садика. В шесть лет меня трахнула восьмилетняя девочка из моего подъезда. Так что под фразой «жутко её хотели» подразумевается именно жутко её хотели, а не какая-то розовая хуйня.

Её модно было хотеть. Она была топовой самкой в моём дворе и встречалась с альфа-самцом из соседнего. Он ещё был старшим, и его друзья были крутыми парнями. Сейчас, наверное, работают где-то в шиномонтаже и влачат жалкое существование. Но тогда тот факт, что она встречается с ним, делал её ещё более вожделенной.

Никогда не забуду, как однажды зашёл к Юре, а в его комнате на кровати лежала на животе она и читала книгу. Я стоял, смотрел на её задницу и понимал, что никогда не достанутся мне эти два шарика.

Она была мечтой.

До тех пор, пока я не повзрослел, пока она не приехала к Юре в Пермь, где вместе с ним жил я, и не провела пару недель на моём члене. Вот так мечта была разбита в щепки. Лучше бы мы с ней больше не виделись после детства.

Как бы там ни было, Юра до сих пор мой настоящий друг. Правда, он теперь не составит мне компанию, наверное. Цурик говорит, что Юра женат. Зато Гурьянов всё ещё нормальный. Он-то, думаю, точно составит.

Гурьянов Сергей – особенный человек. В детстве мы дружили с ним очень сильно. Мы встречались с ним у него дома, слушали Высоцкого и смотрели фильмы с Брюсом Ли.

Мы тогда дико пёрлись с Брюса Ли и каждое утро ходили бегать до спортплощадки, на которой мы занимались спортом, и бежали обратно домой, чтобы принять душ и успеть в школу.

В то время у меня не было настолько похожих на меня друзей, так что Гурьянов был единственным.

Потом родители Гурьянова переехали в другой район, далеко от моего, и там он стал совсем другим человеком. Занялся криминалом, стал чертовски агрессивным, сходил в тюрьму пару раз. Первый раз за угон, второй – за нанесение тяжких телесных повреждений, так что всё ок.

Мы с Цуриком даже тусовались одно время с его бригадой. В 56-м. Жёсткие пацаны, очень наглые, отвязные.

Не мой круг, поэтому, проведя с ними несколько бухичей и гоп-стопов, я прекратил всякое с ними общение. Хотя по жизни, конечно, всё равно встречал некоторых. Среди них были вообще отличные ребята.

С одним из них я пересёкся, когда провожал свою девушку домой. Он тоже провожал свою девушку, и обе они были сёстрами. То есть мы встречались с сёстрами, сами того не зная.

Довольно интересно было посидеть, поговорить, вспомнить.

А Гурьянов, как говорит Цурик, после тюрьмы ещё раз круто изменился. Теперь уже в более созидательное русло.

Ну и Цурик. С ним Гурьянов меня познакомил классе так

в третьем. Цурик тащился от Джеки Чана. Он даже отжимался так же, стоя на руках в центре комнаты. Я никогда не понимал, чем может нравиться Джеки Чан и как можно ставить его выше Брюса Ли.

Потому что Брюс Ли несравненен. А Джеки Чан – сраная мартышка.

И, наверное, Джеки Чан – это единственное разногласие между мной и Цуриком. Мансур, так его зовут по паспорту. Но Гурьянов представил его:

– Цурик. Это Цурик.

Так и пошло.

Цурик всю дорогу пёрся от спорта. Я тогда ходил то ли на карате, то ли на бокс, а Цурик никуда не ходил. Но дрался в разы круче меня. Его уровень всегда был для меня недостижим. Кроме одного случая. Но о нём чуть позже.

С того момента, как я познакомился с Цуриком, он стал для меня единственным другом. Даже не знаю, что нас объединило. Я ведь всегда был интеллектуалом, а Цурик, если можно так сказать, «физиком». Наверное, степень развратности, отвязности. Цурик всегда был лёгок на подъём.

Щупы.

Однажды мы гуляли просто так, как обычно, и я дёрнул масляный щуп из Камаза. Пошли на рынок, предложили продавцам автозапчастей. Где-то пятый или шестой согласился купить. За 10 рублей. Следующий месяц мы не делали ничего, кроме розыска Камазов, кражи щупов и продажи их

на рынок этому мужику.

Под «мы» я подразумеваю меня и Цурика.

Дальше: пьяные мужики и их карманы. Нас снова двое.

Ночи. Припаркованные тачки и их чистка. Снова вдвоём.

Всё на рынок, к тому мужику. Автомагнитолы, зеркала, щётки, даже игрушки, которых клеят на лобовые стёкла изнутри.

Потом откуда-то у Цурика появился пневматический пистолет. Что мы с ним сделали? Конечно, пустили в производство. В конвертацию чужого бабла в своё. В садике, тоже ночью, тётеньки.

Однако эта тема не пошла. Жёсткие челнинские тётки отлично знали, что такое пневматика, и просто слали нахуй. И Цурик придумал охуительный новый способ. Максимально рабочий: пиздить. Просто пиздить и забирать что есть.

Не пацан, а гений.

На самом деле тут нет ничего гениального. Это просто показывает, насколько мы с ним близки. С Цуриком я мог пойти на что угодно. Это был единственный в моём детстве пацан, которому я по-настоящему доверял.

Естественно, когда мама пристроила меня на борьбу, я, чтобы не ходить один, позвал Цурика. И вот он, случай, единственный, но, сука, приятный: я положил его на лопатки на соревнованиях. Цурик быстро стал борцом номер один в секции, и я положил его на лопатки. Правда, не удержал. В итоге победу дали ему с отрывом в одно очко. А мне – второе

место.

Потом Цурик стал огонь-борцом, получил мастера и вообще с головой ушёл в тему борьбы. Я тогда учился в Перми. Зато, когда я приезжал, мы водили баб в бассейн, в котором он тогда работал уже тренером. И трахали их на тех самых матах, на одном из которых я ложил его на лопатки. Так что его профессиональная борьба послужила службу нам обоим. И ещё, думаю, послужит. Скучал по Дельфину.

Сейчас Цурик для меня – это уже не друг, это брат. Прямо вот братский брат. Брат, которого у меня никогда не было.

Есть ещё Олег. Я ещё иногда называю его Олень, а Цурик называет Олегодруг. Ещё у меня на лифте в подъезде написано «Вместимость не Олег» вместо «Вместимость не более». Там буква «б» стёрта, а у последней «е» стёрты две чёрточки. Так и получается. Очень хорошо характеризует Олега. Человека, которому нехуй ездить в моём лифте.

Но Цурик с ним активно общается. И это учитывая, что Цурика с Олегом познакомил я, и по идее, раз я не очень активно общаюсь с Олегом, то и Цурик не сильно должен. Но вот хуй там.

Не ценю я Олега потому, что он ёбанный пиздобол, несколько мудака и потрясающе скучный типок.

Олег – тип, который реально перегибает палку своей ординарностью. В нём даже с лупой невозможно найти что-то своё. Он тотально серый.

И если поставить в ряд Олега и девять его клонов, то, даже

глядя пристально, ты не заметишь ни одного из них. Потому что пиздец штамповка. Как с конвейера по производству людей, отдел Олегов.

И, как любой максимально стандартизованный чел, он искренне и безостаточно влюблён в собственную задницу. Если бы у него было достаточно денег, он бы, наверное, построил храм своей заднице, в который каждый день приносил бы жертвоприношения и убивал время в молитвах.

Туда же водил бы и свою нынешнюю девушку, которая скоро станет его женой. И их детей, которые появятся, как только она станет его женой. То, что он на ней женится, безусловно. Потому что, если нашлась дура, которая ему дала, он её уже не отпустит. С другой стороны, такой дуре и вдувать-то стыдно. Так что пара впаряде.

Олег работает на наиболее ебаной работе из всех возможных – пиломатериалы. И дело не в пиломатериалах, а в том, как Олег относится к этой работе.

Как к самому важному делу на земле.

Иногда вот так думаешь: «Чувак работает на самой ординарной работе из существующих, при этом считает её небательски важной. Как, блять, в мире, полном таких людей, мы расщепляем атомы и летаем в космос?»

Олег носит наиболее незаметную одежду. Он любит рыбалку. Свободное время он проводит дома с фильмами про войну. Пьёт не более двух-трёх стопок. Ложится в десять, просыпается в восемь. Ест оливье на Новый год. В субботу

выходит на выгул в парк со своей подружкой. В это время она держит его под руку, они чинно делают два круга и идут домой. Дома делают секс в миссионерской позиции и ложатся спать.

И всё же есть в Олеге нечто особенное. Даже в этом ёбаном дебиле есть что-то не как у всех. Иначе я бы вообще о нём молчал, верно?

Сказки. Он очень любит рассказывать придуманные истории. И умеет рассказывать их так, как будто они были на самом деле. Отличный рассказчик. В школе у него даже было прозвище – Сказочник.

Помню, попёрлись мы как-то с ним и Цуриком в лес, в какие-то вообще ебенья. Зачем? Искать клад. Олег настолько убедительно рассказал о кладе, сокрытом на дне колодца, что мы повелись и пошли.

Есть у него этот дар убеждения.

Правда, потом он признался, что клада нет, мы надавали ему пинков и пошли обратно. Хотя какого хрена давать пинков? Сами повелись, сами и виноваты.

А в десятом классе Олег рассказал мне, как можно сделать деньги на чудо-антенне, снятой с крыши какой-то организации за городом. Я повёлся, и мы пошли на «дело».

Я охренел, когда увидел эту антенну. Она была огромной. Не представляю, как Олег собирался её снять, унести и продать. Потому что каждый из этих трёх пунктов был нереален. Она была настолько сложной, что её невозможно было

снять без инструментов, настолько огромной, что невозможно было унести, и я даже не представляю, куда можно было её предложить на продажу. Когда я увидел антенну, то сразу понял, что затея мёртвая.

Олег не отчаивался:

– Ну хоть кабель давай заберём.

– Вот сам и забирай, дебил ёбанный, – сказал я, закурил сигарету и стоял в сторонке, пока Олег болтался на толстенном кабеле, пытаясь его вырвать.

А потом из-за угла появился какой-то мужик и спросил:

– Вы что здесь делаете?

За десять километров от города, где-то за заводами, вокруг несколько заброшенных дач, я стою курю, Олег висит на кабеле, отпускает его, смотрит виновато на свои руки и говорит:

– Да так, гуляем.

А потом резко, прямо пулей, не договариваясь, мы делаем ноги так быстро, как только можем.

Долго и трудно мы убегали по колено в грязи по заброшенным дачным участкам от группы из трёх хачиков, у одного из которых в руке был пистолет. Мы спотыкались, падали в смешанную со снегом землю, поднимались, опять бежали. Потому что сзади кричали хачики. Им было насрать на сказки Олега, на меня, наших родителей, они защищали свои инвестиции.

И как же это здорово, что они нас не догнали. Не знаю,

что они бы с нами сделали в десяти километрах от города на заброшенных дачах.

Бывали и забавные истории.

Классе так в шестом, когда каждый из нас думал только о том, как бы кому-нибудь засадить, Олег рассказал, что у него есть девушка.

Олеся.

Ооооолеееесяяяяяяяяяя.

И что у этой девушки есть две подруги. Что они взрослые и лично Олег ей уже вдувал.

Мы с Цуриком долго не верили, но вероятность вдува перевесила неверие, и мы пошли знакомиться.

Эти три «девушки» жили на даче, рядом с дачей родителей Олега. Мы приехали, взяли пива, сигарет и уже довольно сильно настроились на то, что сегодня познакомимся со взрослыми девчонками.

Олег повёл нас в лес.

Мы несколько усомнились сначала, но потом опять же вероятность межполовой связи перевесила.

И вот мы в лесу. Стоим втроём рядом с толстым деревом.

– Ну и где твоя Олеся? – спрашиваю я Олега.

И это просто пиздец, что он ответил!

У меня до сих пор в голове не укладывается, что должно быть у человека с мозгами, чтобы устроить такое:

– Вот она. Лес – моя девушка, – отвечает Олег.

Я просто выпал в проstration тогда. Как? Почему? Как

это можно придумать? Зачем? Как? Как? Как? Как? Как?

Мы тогда даже не расстроились. Нас просто выбило из колеи.

В двадцать, когда я был в армии, Олег предложил Цурику бизнес: купить вертолёт для орошения полей и зарабатывать на этом самом орошении.

Потом эта идея сменилась на: построить вертолёт для орошения полей.

Напомню: мы совершенно простые пацаны, ни разу не мажорные, у наших родителей трёхкомнатные квартиры в многоквартирных домах и по средней паршивости даче.

Где строить вертолёт? Откуда брать детали и инструменты? Где найти того, кто умеет это делать? И главное – на какие деньги?

Разумеется, эта идея не была реализована. Зато другая стала реальностью.

Купить сотовые в кредит, продать дороже, навариться.

Просто охуеть что за идея. Само золото!

Я тогда всё ещё был в армии, а вот Олег с Цуриком реализовали задумку. Не знаю, чем думал Цурик, но он набрал кредитов на себя, на свою маму, на отца и даже на сестрёнку.

То есть пошёл в банк и набрал. На личные паспорта, на прописки, на свою персональную шею.

Первые несколько телефонов разошлись себе: Олегу, Цурику, маме Олега, девушке Олега. Остальные кое-как удалось продать чуть дешевле, чем они были куплены. А когда

стало понятно, что идея была глупой, Олег перестал появляться.

Охуительно!

Ведь кредитов на нём нет. Смысл ему их платить?

Так что Цурик расплачивался один. Он звонил Олегу, трубку брала его мать и говорила:

– Хватит вымогать у моего сына. Ты преступник. Я вызову милицию.

Так что Цурик в итоге расплатился один.

У меня же ничего, кроме смеха, эта история не вызывает. Потому что если ты повёлся на такое, то ты сам виноват, что по тебе проехали.

Несмотря на это, Цурик продолжает общаться с Олегом.

Потому что, когда Цурик расплатился, Олег пришёл к нему с опущенной головой и рассказал душещипательную историю о том, что во всём виноваты его родители. О том, что Олег очень хотел расплачиваться вместе, но его родители запретили.

Цурик повёлся.

Олег действительно умеет убеждать.

А я просто не прогоняю его, когда Цурик приходит ко мне с ним. Потому что довольно кайфово иметь в компании чела, которого всегда можно подъебать. Ведь иногда бывает так, что угорнуть не с кого и не с чего. А как без юмора?

Однако познакомился с ним именно я. Было это так:

У меня был друг, Абашин Паша. Классный пацан, близ-

кий по мировоззрению, лёгкий на подъём. Он был местной звездой, умел одеваться, обладал безупречным вкусом и был единственным человеком, у которого я мог чему-то научиться. У него была прекрасная кузина, Катя, с которой я очень хотел иметь какие-то отношения, но очень стеснялся. Потому что она была особенной. Красивой, интеллигентной, умной.

У Паши всё было особенным.

Особенные родители. Они многое разрешали ему, всегда были рады мне, в их доме постоянно была лёгкая, ненапряжённая атмосфера.

Его отец даже проводил меня однажды до дома, когда я задержался у них допоздна.

Люди, с которыми общался Абашин, были интересными и самобытными. Каждый из них имел что-то своё, не похожее на других, и все они были разные. Они разбирались во всём том, в чём очень хотел разбираться я. Были ультрасовременными и продвинутыми. Мажорики они были.

Всё это сильно резонировало с тем, что происходило у меня во дворе, в домах моих одноклассников. Это был совершенно другой мир, открытый, свободный, насыщенный.

Даже не знаю, что было бы сейчас со мной, если бы все они не разъехались и мы не потеряли контакты. Думаю об этом, и грустно становится, что я потерял всё то, что было в той компании. Они разъехались, а прайд есть прайд, в нём нужно быть в стае. Стая из другого прайда не работает в твоём,

находишь новую, старая уходит на второй план, на третий, четвёртый и вообще исчезает. Хуёво, что так вышло...

Хуй бы с ним. Олег:

Мы учились тогда где-то в шестом классе.

В моём дворе появился новый пацан. Олег. Он сидел со своим мелким братишкой в песочнице и играл в танчики. Безумец. Он был нормально одет, и мы решили обуть его немного. Потому что, когда в песочнице сидит взрослый, модно одетый пацан, это как бумажник, лежащий ночью на пустой скамейке.

Мы подошли к нему, начали говорить что-то, и вдруг подошёл местный старший.

– Всё нормально? – спрашивает старший у Олега и смотрит на нас.

– Да, нормально, – говорит Олег.

– Смотри, – говорит старший и уходит.

Мы решили не испытывать судьбу, очень удивились такой поддержке и ушли.

А Олег попал в мой класс, жил в соседнем подъезде, после случая у песочницы начал здороваться со мной. Я познакомил его с Цуриком. Потом Олег довольно активно согласился вписаться в наш с Цуриком «бизнес»: вскрывать по ночам машины, припаркованные на улице. Пару лет мы втроём кормились с этого, и вот как-то это всё объединило.

Я лежу на голом матрасе в зале. Кровать свободна, там есть бельё, а я лежу на голом матрасе. Мои глаза открыты, я смотрю в потолок, голова кружится, я измазан кетчупом.

Звонок в дверь. Мама открывает:

– Мансур! – радуется мама, она любит моих друзей. – Заходи, разувайся, Илья ещё не проснулся. Позавтракаешь?

– Да нет, спасибо, я завтракал. – Цурик заходит на кухню. – Тётя Люба, простите, пожалуйста, мы вчера...

– Ничего, ничего. Я всё понимаю.

Как здорово, что у меня такая мама.

– Как здорово, что у меня такая мама! – говорю я маме и целую её.

Мама разволновалась:

– Вы ешьте, не буду вам мешать.

– Ты не мешаешь, – говорю я, но мама всё равно уходит.

Она слишком самокритична и недооценивает своё общество. Мама, как я тебя люблю!

Я смотрю на Цурика наиболее серьёзным взглядом, он сдавленно смеётся.

– Какого чёрта на мне делает кетчуп? – спрашиваю я его, смотрю в зеркало и обнаруживаю синяки. – Откуда на мне синяки?

Цурик рассиялся в улыбке и обнимает меня обрадованно:

– Здорово, друган-братан.

И как давай ржать, по нарастающей.

У Цурика особенный смех, неостановимый. Если его что-то развеселило, то дальше только больше, и хрен остановишь.

– Вот ты корочный тип. – И всё смеётся. – Ты помятый, в синяках, и на тебе кетчуп. А ты стоишь и строишь из себя серьёзного.

И прямо заливается.

– Я и есть серьёзный, – говорю с максимально серьёзной миной, сажусь за стол, наливаю. – Я самый серьёзный человек на планете. Давай.

Мы выпиваем. Я закурываю сигарету, люблю начинать день с сигареты.

– Ты вообще поугорать вчера, ха-ха-ха-ха...

И этот бесконечный смех по нарастающей.

– Больше информации, – спрашиваю.

– Вчера ночью куролесил. Помнишь? – говорит Цурик и всё смеётся. Но хавать не забывает. Он хоть и завтракал, но от дубля не откажется.

– В чём это выражалось? И как это связано с кетчупом? – Моё лицо непроницаемо. Я ультрасерьёзен. С этим самым лицом я сижу мятый, в синяках, кетчупе, наливаю, пью, закусываю и курю сигарету. Думаю, да, это выглядит забавно.

А Цурика несёт. Прямо как на скоростном экспрессе в деревню Лимонию, страну Петросянию.

Пока он смеётся, я ем и пополняю кровь алкоголем.

– Заебал ржать, – говорю, когда его вроде уже отпускает.

Потому что раньше нет смысла.

– Короче, – Цурик давится остатками смешинки, застрявших в углах рта, – помнишь, ты пошёл бухать в «Оскар»?

– Ну.

– Я ещё тебе звонил туда, и ты сказал, чтоб мы с Олегом сидели у тебя дома и ждали?

Вот это уже корка. Этого я не помню, но могу представить:

Стою у ресепшена, как сука Сталин в Смольном, бухой в стельку и отпускаю приказ: «Ждите меня дома». Ну а эти двое послушно садятся на диван в чинной позе и ждут. При этом я совершенно чётко понимаю, что смысла меня ждать нет, потому что я бухаю, и хуй знает, когда вернусь.

– Слушай, я короче не помню этого, но прости, я нажрался и забыл, что вы меня ждёте. То есть Олег мог бы хоть хуй сосать, но ты извини.

– Хуйня, не гони. Мы нормально посидели с твоими родителями.

Да уж вершина чёткости, наверное.

– Короче, мы тебя ждали до часа ночи где-то, потом тебя принесли. Кристина и какой-то хуй. Он тоже работает в «Оскаре».

– Это Паша, нормальный чел.

– Да похуй. Короче, мы с Олегом положили тебя на кровать и раздели.

Братаааан, обожаю тебя.

– Ты в трусах давай цепляться за Кристину. Не уходи, ти-

па, останься. Говоришь ей: «Мне одиноко». Вот дурак, она всё равно ушла.

Мне было одиноко? Возможно. Без бабы мне всегда одиноко. Кристина, сестричка, прости, мне стыдно.

– Потом зашла твоя мама и спросила, может ли она чем-нибудь тебе помочь, – продолжает Цурик. – Ты был очень расстроен. Весь вечер говорил про какую-то бабу, которой разбил голову...

– Бля-я-я.

Вот ведь в натуре. Я ведь уже благополучно забыл об этом. Мне не нужно такое воспоминание. Пусть оно будет у кого-то другого.

– Зачем ты напомнил? Я же в натуре разбил башку одной тёлке. Совершенно, сука, случайно. Просто, блять, не удержал. Дерьмо...

– Да ладно ты, забей, Кристина сказала, что она дура. И что её там все ненавидят, так что они тебе благодарны.

– Я хотел ей вдуть.

– Простительно.

– Почему?

– Ты же был бухой. И после армии. Хорош отвлекать. Ты, короче, говоришь своей маме: «Мама, я хочу секса, вызови мне проститутку». Долбоёб, разве можно матери такое говорить, дебил ёбанный? – Цурик опять зашёлся в смехе.

Мама, моя любимая, прости. И пришло же в голову. Маме такое сказать... Вот это в натуре зря.

– Да хорошо переться, даун, ну сморозил, да. Облажался. Ты даже не представляешь, как мне сейчас стыдно.

А мне действительно стыдно. Но не проваливаться же сквозь землю к соседям с третьего этажа. Они, может, вообще размачивают глотки бухлом перед караоке в этот самый момент.

– Твоя мама хотела уже звонить в агентство. Но мы ей помешали, сказали, что сами всё уладим.

Братан. В натуре братан. Спас. Мама бы вызвала.

– Уложили тебя спать, но ты всё не унимался. Сказал, что хочешь есть манты и смотреть порнуху. Короче, ты сидел в зале на полу, корочный ты тип, жрал манты и смотрел порнуху. Я до сих пор в себя прийти не могу, это пиздец коры.

У Цурика открылось второе дыхание, и он вновь разразился зычным смехом. А потом:

– Всех своим кетчупом перемазал, всю кровать, стены, сам весь в кетчупе. Хочешь выдавить на манти и не попадешь, всё мимо. – Цурик руками воспроизводит описываемый процесс. – И так стараешься. Всё стараешься попасть на манти. – Смеётся опять. – Олег сидит такой, порнуху смотрит. Внимательно, как научный фильм. А ты ему манты суёшь в руку, он отказывается – ты опять суёшь. Олег нервничает, не хочет отвлекаться от порно, а тебе всё равно. Ты ему манти суёшь, уговариваешь, коро жар, сука. Порно, кетчуп, твои родители спят, тебе всё похуй. Тебе надо сунуть ему манти в руку. Прямо как цель. Олег сломался, взял манти,

начал хавать. Ты сидишь, смотришь на него, и лицо у тебя тупое-тупое, типа, ты вообще ничего не понимаешь.

– А ты где был?

– Рядом сидел. Ты потом говоришь Олегу: «А ты чё без кетчупа ешь? На, так вкуснее». И, блять, давай ему кетчуп на руку наливать. Олег отворачивается, руку убирает, тебя отталкивает, ты за ним, никак уговорить не можешь: «Олег, я же тебе лучше делаю, как ты не понимаешь? Ешь с кетчупом». И льёшь ему кетчуп на свитер, на голову. Бухой, сука, еле двигаешься, падаешь. Я угораю сiju.

В натуре дебил. Как можно есть манты без кетчупа? Олег в натуре долбоёб.

– А ты в этом не участвовал, всё сидел рядом?

– Ну да. Да это вообще коры же, я там умирал от смеха. У меня чуть живот не разорвался. Потом Олег распахивался, хотел уходить, но я его остановил. Ты сидишь, свои манты хаваешь, порно смотришь, всё в кетчупе. Олег зашёл попрощаться, руку тебе тянет, такой серьёзный весь, расстроенный, а ты ему: «Да катись ты нахуй, пидрила!»

Бля, ну и коры!

– Он совсем занервничал, я его еле как успокоил. Ты тоже вроде успокоился. Потом вы сели с ним на пол и давай трещать про армейку.

– Да о чём с ним можно трещать? Он же всю дорогу провалялся в больничных, – говорю. – Хотя и служил в погранвойсках, но всё равно никакой не пограничник.

– Не знаю, вчера вы базарили об армии. Сначала нормально, спокойно, вспоминали что-то, обнимались. Потом ты резко начал гнать на Олега: «Да ты чёрт, службы не видел. Пидарас, в госпитале всю службу провалялся, понтуешься теперь». И драться полез. Ваще никакой на Олега накинулся. Сам на ногах не держишься, а драться лезешь. Ты вообще там как на шарнирах весь, замахнулся – упал. А всё равно лезешь. Ну, Олег вообще обиделся и ушёл.

Безвольный чёрт.

Цурик выдохнул и давай хавать. Миссия выполнена, данные переданы, можно приступить к личной жизни. Воооольно! Поооо распорядку.

Да уж, корки. Олег-то похуй. Как я уже сказал, он смело может отсосать у каждого коня на этой планете, мне будет плевать. Но маме такое сказал!

Вот мудааак.

– А ты что, пёс, не мог меня успокоить? Знаешь, как мне перед мамой стыдно?

Мама из комнаты:

– Сынок! Всё хорошо!

Мама всё слышит. Бля, а мы материмся. Ну конечно, она всё слышит, это же советская трёшка.

– Ты давай не матерись, короче, – говорю я Цурику, понимая, что говорю в пустоту.

– Ладно, не буду. Скажи ещё, что ничего не помнишь.

– Прикинь! Вот в натуре, как вышибло.

Я ничего не могу вспомнить. В моей голове фрагментами проносятся обрывки событий, но они никак не хотят складываться в общую картину. Может, со мной происходило что-то особенное? Впрочем, какая разница? Главное чтобы в процессе всё было огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.